

ДНЕВНИК АШПИ №20. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР: АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ (ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

Открытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Уважаемые коллеги! Мы начинаем уже давно ставшую традиционной конференцию «Современная Россия и мир: альтернативы развития», которая посвящена в этом году теме «Трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности». Эту тему предложили сами участники конференции в прошлом году, поскольку она очень актуальна, она касается перспектив развития и России, и отдельных регионов. Сейчас, когда идёт процесс глобализации, очень важно, чтобы наша страна и наш регион не отстали от других стран и регионов, чтобы развивались международные связи. Мы выражаем надежду, что новая краевая администрация как-то активизирует эти связи, по крайней мере, шаги в этом направлении уже делают (недавно, например, был визит нашей делегации в Казахстан).

Мы надеемся, что наша дискуссия, начавшаяся еще в феврале на Интернет-портале AUDITORIUM.RU, поможет выработать определённые советы и рекомендации по поводу того, как использовать выгоды трансграничного сотрудничества и как нейтрализовать угрозы, которые одновременно влечёт это сотрудничество.

Я хотел бы предоставить слово для официального приветствия ректору Алтайского государственного университета, профессору Кирюшину Юрию Фёдоровичу.

Кирюшин Ю.Ф.: Добрый день, уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас в стенах нашего Алтайского государственного университета. Я также рад, что такие практические конференции стали уже в Алтайском университете традиционными, и очень приятно, что их проводит Алтайская школа политических исследований, которую возглавляет Юрий Георгиевич Чернышов. Те вопросы, которые вы собираетесь обсуждать, действительно очень актуальны, мы это видим на конкретных примерах: скажем, Афганистан, Ирак, события сентября 2001 г. в Соединённых Штатах и многие другие проблемы. И, наверное, сегодня и завтра вы обменяетесь своими научными наработками и опытом, и я надеюсь, что придёте к каким-то общим точкам зрения. Желаю вам успешной работы и здесь, в Барнауле, и в поездке в Горный Алтай, чтобы пребывание на алтайской земле было для вас, с од-

ной стороны, приятным, а с другой стороны, полезным. Всего вам доброго! Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Я хотел бы особо поблагодарить Юрия Фёдоровича за то, что наш университет буквально спас эту конференцию. Как один из учредителей, он помог нам, когда возникли временные финансовые трудности. Также огромную помощь нам оказывает наш родной исторический факультет. Здесь присутствует декан исторического факультета Владимир Николаевич Владимиров. Ему слово.

Владимиров В.Н.: Уважаемые коллеги! Среди целого ряда добрых традиций, которые существуют в нашем университете, одна из наиболее заметных – это проведение подобных конференций, которые стали международными. Интерес к этому появился достаточно давно, и он органично сплетается с содержанием образования на нашем факультете, поскольку у нас есть специальность «Международные отношения», которая собирает очень способную и одарённую молодёжь, и буквально только что открыта новая специальность «Регионоведение», где мы будем изучать и готовить специалистов по таким регионам, как Китай и Центральная Азия. Все эти наработки очень хорошо сплетаются и с научной работой, которая ведётся в рамках факультета и в рамках Алтайской школы политических исследований, которая, я считаю, является плотью от плоти и кровью от крови нашего исторического факультета. Очень приятно видеть вас здесь, и тех, кто представляет наш город, наш край, и тех, кто приехал. Но особое удовлетворение у меня вызывает то, что среди приехавших сюда очень много людей, которые являются не просто «разовыми» гостями. Это люди, которые представляют организации, с которыми у нас ведётся постоянное сотрудничество на договорной основе, на основе совместных организаций. Всё это внушает надежду, тем более что большая подготовительная работа была проведена в Интернете. Всё это вселяет надежду, что конференция пройдёт успешно, и я, вслед за Юрием Фёдоровичем, желаю вам интересного и полезного времени, проведённого здесь, на Алтае. Все это вместе, я думаю, даст новый толчок, новый импульс и нашему сотрудничеству, и проведению будущих подобных конференций. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо. Приветствие от краевой администрации прозвучит позже. А сейчас у нас здесь присутствуют представители администрации города Барнаула. Мэрия, на наш взгляд, сейчас тоже начинает активизировать международные связи – в частности, оживились контакты с городами-побратимами (Флэгстафф и Сарагоса) и т.д. Мы хотели бы предоставить слово для приветствия Юрию Николаевичу Еремееву, председателю комитета по делам молодежи администрации города.

Еремеев Ю.Н.: Уважаемые участники конференции! Я также хотел бы обратиться к вам с приветственным словом. Действительно, это стало доброй, хорошей традицией – проведение данной конференции в этот период времени. Алтайская школа политических исследований в этом смысле является определённым центром и организатором этого значимого мероприятия для города Барнаула и Алтайского края, да, я думаю, и для науки, политической науки, тоже. Тема конференции – «Современная Россия и мир: альтернативы развития» – на протяжении уже нескольких лет не меняется, а лишь расширяются те специфичные подтемы, которые мы сегодня будем обсуждать в том числе. В этом тоже, наверное, есть хорошее и доброе начало, и я думаю, что в своё время было принято правильное решение. Конференция не стоит на месте, и Алтайская школа политических исследований, Юрий Георгиевич делают всё для того, чтобы конференция постоянно развивалась. Мы видим, что состав участников отчасти постоянен, но с другой стороны, появляются новые люди, новые эксперты, и для города Барнаула это очень важно, это важно для нашей конференции, это важно для тех практических шагов, которые будут впоследствии реализованы по итогам конференции. Очень важно, что в этом году как никогда активно проявил себя Интернет-портал, на котором возможно было представить мысли по докладам, и, наверное, значительная часть иногородних гостей могут тоже поучаствовать в нашей конференции, не находясь здесь, в городе Барнауле. Поэтому я вас приветствую, желаю успешной работы. Уверен, что конференция пройдёт успешно. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо. Давайте перейдём теперь к практическим вопросам. У всех вас есть программа, по ней мы и будем двигаться. Мы предлагаем следующий регламент: доклады до 20 мин., выступления в прениях – до 3 мин., обсуждение одного доклада – до 15 мин. Мы всегда очень ценим дискуссию, поэтому приглашаем активно участвовать, задавать вопросы, высказывать суждения. Будет вестись аудиозапись, стенограмма дискуссий войдёт в наш очередной, уже 20-ый, Дневник Алтайской школы политических исследований.

Я хотел бы представить уважаемым участникам конференции наших гостей, чтобы вы с ними познакомились и уже более активно общались. Я приглашаю Василия Рудольфовича Филиппова в качестве ведущего первой секции. Он – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнической регионалистики РАН. Он выступит с первым докладом. Затем у нас выступит Сорокина Надежда Александровна, аспирант Российского института стратегических исследований и специальный корреспондент международного отдела «Российской газеты», затем – Хабенская Елена Олеговна, кандидат историче-

ских наук, научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, дальше – Греков Николай Владимирович, доктор исторических наук, профессор из Омска, Кобринский Александр Львович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры политической истории МГУ, Романович Нелли Александровна, кандидат социологических наук, директор института общественного мнения «Квалитас», Воронеж. На завтрашнем заседании прочитают доклады Тарасова Елена Владимировна, преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Восточно-Казахстанского государственного университета и её коллега Калиева Канша Советкановна, преподаватель той же самой кафедры того же университета. Хотелось бы отметить, что мы поддерживаем с этим университетом очень прочные связи и надеемся, что они будут и дальше развиваться.

Представив гостей, нужно назвать и учредителей конференции. Это Алтайская школа политических исследований, ответственный организатор; Администрация Алтайского края; Алтайский государственный университет в лице кафедры всеобщей истории и международных отношений; Алтайское отделение Российской ассоциации политической науки (кстати, председатель этой Ассоциации, директор ИНИОН Юрий Сергеевич Пивоваров, прислал приветствие, пожелал успехов нашей конференции); Конгресс интеллигенции Алтайского края и Российский гуманитарный научный фонд.

Мы надеемся, что наша традиция проведения конференции, которую мы поддерживаем с 1996 г., будет и дальше развиваться в научно-практическом русле. Мы стараемся следовать трем главным принципам: неангажированность, научность, демократизм. Мы не служим никаким политикам, никаким партиям, мы стремимся, чтобы здесь были представлены серьёзные научные исследования, и в то же время мы приглашаем для дискуссии всех желающих, не только учёных, но и общественных деятелей, представителей власти, журналистов и т.д. для того, чтобы был более широкий резонанс от научных исследований.

Итак, я передаю слово для ведения первой секции Филиппову Василию Рудольфовичу.

Филиппов В.Р.: Дорогие коллеги! Я понимаю, что начинать с благодарностей не очень уместно, но, тем не менее, я думаю, вербализую ощущение гостей, сказав, что мы очень тронуты тёплым приёмом, вы отнеслись к нам, господа оргкомитет, я бы сказал, ласково, исключительно радушно, вы продемонстрировали исключительно высокий класс организации и Интернет-конференции, и этой конференции. Спасибо вам большое!

Секция 1. Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества

В.П. Андреев

Трансграничное сотрудничество в контексте транспортно-коммуникационного моста между Западной Европой и АТР

На фоне временной стабилизации правящего в России режима объективное социально-экономическое положение страны остается крайне сложным, и серьезным политикам и экономистам ясно, что «стабильность» держится лишь на временно действующих факторах – в первую очередь на высоких мировых ценах на энергоносители. Но благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура не может длиться вечно. Страна не может развиваться, лишь проедаая свои невозобновляемые природные ресурсы.

Тем не менее, российская экономика по-прежнему идет по экстенсивному пути, оставленному далеко в прошлом веке всеми промышленно развитыми странами.

Среди факторов подъема российской экономики на первое место, конечно же, выдвигаются не природные ресурсы, а наукоемкие технологии, а также исключительно благоприятное транспортно-коммуникационное положение как России в целом, так и Сибири в особенности. Сама историческая судьба предопределила России быть транспортно-коммуникационным мостом между Западом и Востоком, между западноевропейским и азиатско-тихоокеанским регионами. По образному выражению ныне покойного академика РАН Никиты Моисеева: «Быть путем из англичан в китайцы»!

Использование территории, воздушного пространства России может стать одним из звеньев складывания единых мировых коммуникаций. Немалый выигрыш всем партнерам сулит совместная эксплуатация Северного морского пути с помощью атомных ледоколов России, которые пока «на приколе». Немалые выгоды принесут транзитные перевозки по Транссибу, что потребует реконструкции железнодорожных узлов Сибири. Недавно Транссиб соединился с транскорейской магистралью. Российская сторона приступила к строительству моста через Татарский пролив, проектируется железнодорожный тоннель Хоккайдо-Сахалин. Тем самым Япония получит железнодорожный выход на азиатский материк через Сахалин

В связи с распадом СССР и утратой самых крупных портов на Балтике встал вопрос о новых транспортных коридорах в Западную Европу. Тогда-то и вспомнили о бухте Индиго в восточном секторе Баренцева моря, ее ледовый режим достаточно благоприятен для плавания в течение 9 месяцев в году. Небезынтересны обстоятельства ее открытия.

Сдерживающим фактором освоения Сибири была и остается слабость развития коммуникаций. Создание Транссиба лишь ослабило остроту проблемы, а установление челябинского тарифного перелома препятствовало развитию сибирского экспорта. Попытка создания смешанного пути – железной дороги Тюмень–Екатеринбург, Пермь–Котлас и далее речным путем до Архангельска – не решила проблемы.

Поэтому не случаен поиск выхода к северным морям, ставка на освоение Северного морского пути. На рубеже XIX–XX вв. развернулось интенсивное изучение ледового режима северных морей, в которых участвовал тогда еще морской капитан А.В. Колчак. Результатом изысканий стали предложения о создании порто-франко на Ямале и в устье Енисея, где в советское время и были созданы морские порты. Возник проект создания порта и в бухте Индиго, дополненный строительством высокоширотной железнодорожной магистрали Томск – Тобольск – Верхотурье – бухта Индиго. Это должно было обеспечить экспорт сибирского леса, сельхозпродуктов, а также создание комплекса предприятий лесохимии в зоне магистрали.

Развитие транспортной инфраструктуры создаст условия для расширения экономических и прочих связей с Западной Европой, Казахстаном, КНР. Перспективными являются отношения со странами АТР, лозунг «Лицом к Востоку» должен быть приоритетным. В качестве первоочередных следует выделить отношения с Японией и Китаем, определяющими центрами силы в АТР, вероятными центрами формирующегося многополюсного мира.

Все отмеченные факторы отражают тенденцию превращения Сибири не только в географический центр страны, но и делают ее ядром, способным придать устойчивость геополитическому пространству России, которое было серьезно нарушено вследствие распада СССР.

Беловежское соглашение перечеркнуло многовековые усилия по обеспечению безопасности основного этнического и экономического ядра России: «внешний пояс» – содстраны Восточной Европы; внутренний – бывшие союзные республики. Самороспуск Варшавского договора резко ухудшил геополитическое положение и стратегическую безопасность страны.

Утрата значительных территорий, «поясов безопасности», значительного экономического потенциала требует серьезных корректировок геостратегии России. Именно Сибирь должна превратиться в «опорный край державы». Все отчетливее звучит мнение о необходимости в интересах будущего страны «цивилизованного маневра», переноса тяжести ее развития за Урал, что, не в последнюю очередь, связано с вызовом динамично развивающихся стран АТР. Основанием для такого «цивилизованного маневра» являются не только геополитиче-

ское положения Сибири, ее природные ресурсы, но и экономический, и научно-технический потенциал. Природные богатства края предопределили в свое время стратегию его освоения, создания мощнейших энергетических систем, территориально-промышленных комплексов. Экономика Сибири представлена крупнейшими предприятиями (5% предприятий дают свыше 80% продукции региона), часть которых имеют высокие и уникальные технологии. Сохранился и продолжает развиваться крупнейший в мире научно-образовательный комплекс.

Определенные перспективы развития Алтайского края и Республики Алтай связываются с созданием транспортного перехода в Западный Китай (Синьцзян). Намечаются проекты строительства газопровода, изучается вопрос о строительстве автомобильной дороги, которая связала бы юг Сибири с китайским Синьцзяном, минуя Казахстан.

О.Н. Барабанов **Проблемы развития регионов в ЕС**

Появление новых негосударственных акторов на международной арене становится все более закономерной особенностью мировых политических процессов на современном этапе. В последнее время происходит и расширение их круга.

Ранее основными негосударственными участниками мировых политических процессов традиционно считались транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации. Сейчас же к числу новых акторов все чаще и обоснованней добавляются и внутригосударственные регионы, которые придают мировой политике новое измерение. Это акторы, которые ведут свою международную деятельность иногда вопреки государству, в которое они входят (сепаратистские регионы), иногда, пытаются конкурировать с государством в стремлении показать свою самодостаточность перед ним (т.н. «сильные» регионы, «регионы-доноры» и т.п.). Такого рода международная активность внутригосударственных регионов, впрочем, а priori носит негативный, внесистемный характер. Однако помимо этих всплесков в последнее время внутригосударственные регионы начинают проводить международную деятельность, не пытаясь «насолить» государству, нейтрально, параллельно ему, дополняя его собственные международные проекты, а все чаще – и получая прямое поощрение со стороны государства такого рода международных связей. Распространение такого рода явлений заслуживает особого внимания и заставляет говорить о появлении нового уровня в мировых политических отношениях – межрегионального.

Кроме того, благодаря Комитету регионов ЕС, а также Конгрессу региональных и местных властей Европы под эгидой Совета Европы и

различным межрегиональным ассамблеям регионы этих государств имеют свой постоянный форум, через посредство которого их голос, их позиция могут быть услышаны на общеевропейском уровне и получить самый широкий резонанс. В частности, в рамках вышеупомянутого конгресса проходила активная разработка Европейской хартии по региональному самоуправлению, по аналогии с Европейской хартией местного самоуправления.

Более того, становится все более очевидным, что в будущем эта тенденция ко все большей регионализации внутри ЕС будет и дальше прогрессировать. И.Д. Иванов, на основе детального анализа соответствующего материала, фиксирует возникновение целой тенденции в экспертных оценках насчет того, что XXI в. может ознаменоваться разукрупнением существующих национальных государств ЕС. Такая убежденность находит свое выражение и в среднесрочных прогнозах развития Европы, вырабатываемых сейчас официальными аналитическими центрами при ЕС. В частности, во второй половине 1999 г. был опубликован доклад подразделения прогнозных исследований при Еврокомиссии «Сценарии Европы 2010», в схематичном виде представивших пять основных возможных направлений развития ЕС в течение грядущего десятилетия. И что характерно, согласно подавляющему большинству этих сценариев, роль регионов в ЕС будет качественно возрастать, а в ряде случаев они практически заменят национальные государства.

Наиболее ярко процессы регионализации проявляются в одном из таких сценариев, образно названном «Сотней цветов». Суть его в том, что центральные власти государств повсюду в Европе в силу прогрессирующей забюрократизированности оказываются не в состоянии эффективно отвечать на запросы гражданского общества. В результате под сенью общеевропейских структур большинство их функций переходит к региональным и локальным сообществам. В результате региональное и местное самоуправление становится единственным реально действующим механизмом власти и затмевает собой государство. Это вызывает упадок центральных публичных властей повсюду в Европе – реализуется лозунг «жизнь без правительства».

В таких условиях происходит распространение различных форм приграничного сотрудничества регионов, в т.ч. и социального (по принципу do-it-yourself). Под него подводятся и соответствующие идеологии, связанные со всплеском ностальгии по межрегиональному доброму соседству, локальным акциям и пр., которые начинают оказывать доминирующее влияние на процесс трансформации идентичности в Европе. Вся совокупность этих новых идеологем и получает образную характеристику «Сотни цветов».

Благодаря всему этому региональные и локальные сообщества в ЕС усиливаются на порядок по отношению к сегодняшнему дню, в том числе в своей финансовой самостоятельности, а также некоммерческой и коммерческой деятельности, как если бы центральных властей даже бы и не существовало. Большинство налогов (или квази-налогов) перемещается с государственного на региональный уровень. Происходит консолидация локальных профсоюзов и их трансформация, когда они начинают играть роль защитников всех граждан региона, а не только профильных рабочих, и постепенно становятся новой региональной квази-властью. И, как правило, все эти новые локальные сообщества открыты навстречу внешнему миру через информационное сотрудничество и обмен опытом.

Одновременно с этим происходит и серьезное политическое расслоение уже не между государствами, а между регионами. Сильнейшие регионы получают значительное внешнее влияние и силу, в то время как другие могут опуститься до квази-средневековой анархии или же оказаться под контролем крупной локальной фирмы или мафии. Используя термины авторов сценария, такую ситуацию можно охарактеризовать так: некоторые регионы начинают впадать в летаргию, из которой в среднесрочном плане никогда не выйдут, другие же будут рваться вперед с огромным витальным потенциалом. Используя облегченные преимущества доступа к знанию в век высоких технологий, эти регионы стремительно развиваются под руководством нового поколения бизнесменов (замещающих «старых» политиков-бюрократов). Не могущие отказаться от устаревшего стиля работы, администрации и политические системы столичных городов оказываются не способными идти вровень с этими региональными «микро-ренессансами» и потихоньку теряют свое влияние на реальные процессы.

Другие сценарии развития Европы хотя и не доводят процесс регионализации до его крайних пределов, тем не менее, все равно отводят ему гораздо большее место, чем сегодня. В «оптимальном» сценарии, названном составителями сценарием «Разделяемой ответственности», суть которого сводится к заключению всеми слоями общества и государства своего рода нового общественного договора «во имя Европы», регионализация также присутствует в полной мере. Главенствующей в этом новом общественном договоре становится именно идея децентрализации управления на всех уровнях и возможно более полное делегирование полномочий и ответственности от центрального уровня власти в регионы. Региональная политика в связи с этим также подвергается трансформации и основывается на т.н. системе региональных контрактов – своего рода договоров о разграничении предме-

тов ведения и полномочий между ЕС, национальными государствами и регионами. Согласно этой системе, регионы сами должны будут определять свои приоритетные задачи на каждые пять лет для того, чтобы государства и ЕС могли бы более адресно и скоординировано осуществлять свою зонтичную поддержку. Внешние связи регионов как несомненный и неоспоримый фактор этой новой системы также не ставятся под сомнение.

Еще один сценарий – «Триумфирующих рынков» – основывается на торжестве в ЕС постулатов неолиберальной экономики, в которой самостоятельность и внешняя активность регионов также призваны занять ключевое место. Однако в этом случае регионы в значительной мере лишаются изначальной поддержки со стороны ЕС и национальных государств. Вызванная данной политикой необходимость снижения госрасходов ЕС приводит к сокращению фондов, предназначенных для региональной политики. Этот шаг в совокупности с окончательным отказом от стратегии государства благоденствия и акцентом на свободный рынок приводит к усилению внутрирегиональных диспропорций и неравенства. В менее развитых странах ЕС эти процессы приводят к разрыву между городом и деревней, исходу сельского населения в города. В других регионах Европы это приводит к депопуляции «старых» городов и регионов и росту «новых», использовавших выгоды глобализации и информационного общества. Другие города и регионы будут стараться равняться на них, но это произойдет ценой усиления их зависимости от более продвинутых регионов, превращения их в нечто вроде хинтерлянда вокруг новых лидеров. Такая тенденция, очевидно, может вызвать в свою очередь напряженность как между разными типами регионов, так и между наиболее продвинутыми регионами с одной стороны и целыми государствами с другой. Так, составители сценария предсказывают, что странам – кандидатам в ЕС из ЦВЕ придется столкнуться с тенденцией к сведению самих себя до статуса спутников для продвинутых регионов Германии и Скандинавии.

В целом можно сделать вывод, что стремление внутригосударственных регионов стать самостоятельными акторами в международных связях становится выраженной тенденцией современного политического развития в Европе.

А.Е. Василенко
Еврорегионы с участием Калининградской области
как пилотная модель использования европейского опыта
трансграничного сотрудничества в России

Калининградская область входит в состав Балтийского региона, который во все большей мере становится не просто географическим понятием, а определенной экономической, социальной и даже полити-

ческой общностью. Процессы интеграции в различных сферах здесь протекают особенно активно, поддерживаемые действиями государств, местного самоуправления, предпринимательских кругов и общественных организаций. Поэтому Балтийский регион, охватывающий Северо-Запад России, территории стран Балтии, Финляндию, Швецию, Данию, Польшу и Германию, является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира. И ЕС заинтересован в дальнейшем стабильном развитии этого региона.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что по своему географическому положению и тому вниманию, которое проявляют к Калининградской области зарубежные политологи, проводящие многочисленные исследования и конференции, посвященные области, самый западный российский регион является узлом переплетения международных интересов. По числу документов, принятых федеральными властями за последние 10 лет в отношении Калининградской области, ясно и то, что здесь сконцентрированы жизненно важные интересы России.

Предлагаются различные варианты решения «калининградской головоломки», и одним из таких вариантов является активное участие области в приграничном и трансграничном сотрудничестве с соседними странами и государствами ЕС. К тому же практические шаги в этом направлении уже сделаны – муниципальные образования Калининградской области активно участвуют в деятельности двух еврорегионов: «Балтика» и «Сауле». Для России создание института еврорегионов – достаточно новое явление, и Калининград стал первопроходцем в этом направлении. В Европе же идея еврорегионального сотрудничества зародилась еще в XIX в., когда в 1875 г. Франция и Испания создали так называемую двустороннюю комиссию сотрудничества в районе Пиренеев. Сейчас в Европе имеется уже более 30 такого рода объединений.

Исторически основными целями создания еврорегионов было объединение усилий приграничных районов западноевропейских стран для преодоления их относительной отсталости в социально-экономической области и определенной изолированности по отношению к Центру. Европейский опыт показал, что еврорегионы играют в целом позитивную роль в качестве инструмента сглаживания различий в уровнях экономического развития сотрудничающих территорий, совместного решения экологических проблем, преодоления дисбалансов в вопросах занятости, производства, а также культурных и языковых барьеров. Все это соответствует и потребностям Калининградской области.

Работа над созданием еврорегиона «Балтика» началась по инициативе властей г. Эльблонга (Польша). 28 февраля – 1 марта 1997 г.

в г. Мальборке была организована конференция, посвященная возможностям создания специальной трансграничной структуры в регионе южной части Балтийского моря. Организационная работа продолжалась ровно год. И вот 22 февраля 1998 г. в г. Мальборк представители региональных и муниципальных образований Дании, Латвии, Литвы, Польши, Швеции, а также Калининградской области РФ подписали Устав и Соглашение о создании еврорегиона «Балтика».

Основная цель объединения – сотрудничество в подготовке и реализации совместных планов и проектов в сферах промышленности, сельского и лесного хозяйства, транспорта, коммуникаций, обмена передовыми технологиями, охраны окружающей среды, борьбы с преступностью.

Важен тот факт, что в документах о создании еврорегиона «Балтика» закреплены принцип приоритета национального законодательства, в рамках которого и осуществляется деятельность сторон, а также положение о том, что разрабатываемые совместные проекты проходят согласование с заинтересованными органами своих государств. Такой подход обеспечивает ненанесение ущерба российским интересам.

За годы своего существования еврорегион «Балтика» добился значительных успехов. Уже на первом году жизни этот еврорегион сумел получить ряд конкретных положительных результатов. «Балтике» был предоставлен статус наблюдателя в Ассоциации европейских приграничных регионов (штаб-квартира в г. Гронау, ФРГ). Созданы и заняты практическими делами три рабочие группы: регионального развития и пространственного планирования; социальных вопросов и культурного обмена; охраны окружающей среды. Реализовано российско-польское предложение по реконструкции исторической части Балтийска, создаются летние лагеря для молодежи всех 6 стран, проводятся природоохранные мероприятия.

В настоящее время в рамках еврорегиона «Балтика» реализуется проект «Чайка», финансируемый европейскими программами INTERREG, PHARE, TACIS и направленный на развитие рыночной структуры и охрану окружающей среды. В этот проект входят: проведение водоохранных мероприятий, создание инновационных центров для поддержки среднего и малого бизнеса, развитие сельских территорий, внедрение информационных технологий и коммуникаций. По программе TACIS на эти цели в Калининградскую область будет поставлено электронное оборудование и программное обеспечение, ей также будет оказана техническая и экспертная помощь.

В 1999 г. Калининградская область стала участником еврорегиона «Сауле». Инициатива его создания принадлежит представителям Елгавского района Латвии, Таурагского и Шауляйского уездов Литвы,

которые решили найти совместный выход из сложного экономического положения на пути трансграничной интеграции. С этим предложением они обратились к российским и шведским соседям. На обращение откликнулись главы муниципальных образований Советска, Неманского и Славского районов, а также власти двух шведских лэнов: Сконе и Седерманланд.

Главной целью еврорегиона «Сауле» является подготовка и осуществление совместных планов и проектов для развития приграничных зон, а также устранение имеющихся препятствий на путях сотрудничества.

Одним из стержневых проектов данного объединения является создание инфраструктуры региональной автомагистрали ВИА-ГАНЗЕАТИКА.

Конечно, не все так гладко на путях организации и юридического оформления еврорегионального сотрудничества России с зарубежными партнерами. Одним из главных препятствий здесь является отсутствие у России необходимой договорно-правовой базы. Только в 2003 г. Россия ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве, которая является основой существования еврорегионов. Кроме того, за исключением Польши, у России нет договоров о трансграничном сотрудничестве с другими государствами-партнерами по еврорегионам. А без этого еврорегионы не могут полноценно существовать. Однако понимание этого в Центре есть, идет проработка соответствующих законодательных актов. Расширение отечественного правового поля для российского участия в трансграничном сотрудничестве, несомненно, скажется на наших взаимоотношениях с соседями, на интеграционных процессах в регионе Балтийского моря.

В этой связи особое внимание следует уделить Калининградской области РФ, которая в силу своего геополитического и геостратегического положения может стать ведущим регионом в сотрудничестве России и Европейского союза. Это позволит не только превратить недостатки эксклавного положения Калининграда в достоинства, а России легче войти в политико-экономическое пространство Европы, но и перенести европейский опыт приграничного сотрудничества на всю территорию Российской Федерации.

А.Е. Глушков

Проблема восточноевропейских трансграничных территорий в советской геополитике 1917–1945 гг.

1. После октябрьской революции советские правящие круги в соответствии с доктриной мировой революции рассчитывали создать новый миропорядок в виде Международной Советской республики. Вслед за Марксом они полагали, что у победивших национальных от-

рядов пролетариата будет «один и тот же властелин – труд», который и станет объединительным фактором. Национальное государство было принесено в жертву классовому интересу, национальный интерес – интернациональным интересам. В состав Международной Советской республики предполагалось включить «советизированные» страны «ближнего» и «дальнего» зарубежья: Болгарию, Венгрию, Германию, Италию, Румынию, Чехословакию, Францию, Югославию, а также страны Востока.

Ядро нового советского миропорядка должны были составить Советская Россия и ее национальные окраины. Большевики поэтому вышли за пределы теоретических рассуждений о праве народов на национальное самоопределение и образование самостоятельного государства. Самоопределение стало вопросом их реальной политики, увязанной с победой советской власти в национальных районах России. На западных границах России в 1917–1918 гг. большевики признали независимость Украины, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, на территории которых была установлена советская власть. Таким образом, на восточноевропейском трансграничном пространстве России возникли дружественные ей советские республики. Советское правительство рассматривало дезинтеграцию России как временное явление, сохраняющееся до победы мировой революции.

2. Однако политическая ситуация вскоре изменилась коренным образом. Россия оказалась в состоянии гражданской войны. В прибалтийских странах, в Финляндии к власти пришли антибольшевистские национальные силы, поддержанные и признанные Антантой. Советское правительство было вынуждено искать пути сосуществования и сотрудничества с капиталистическими странами. В августе-сентябре 1919 г. оно сделало правительствам прибалтийских стран и Финляндии мирные предложения с подтверждением безусловного признания их независимости. Первой эти условия приняла Эстония, которая 2 февраля 1920 г. подписала мирный договор с советской Россией. Ленин назвал его «окном в Европу». В том же году были подписаны мирные договоры с Литвой, Латвией, Финляндией.

3. Не сложились мирные отношения между советской Россией и Польшей. Взаимная неприязнь и геополитические устремления обеих сторон привели в 1920 г. к войне. Национальный польский лидер Пилсудский рассматривал войну против России как возможность создания «Великой Польши», с включением в ее состав территорий бывшей Речи Посполитой. Ленин рассматривал войну как вариант «советизации» Польши и возможность продвижения мировой революции в Западную Европу. Оба лидера отклонили предложение британского премьер-министра Ллойд Джорджа установить польско-советскую границу по

«линии Керзона». «Революционная война» закончилась полным поражением советской России. По Рижскому мирному договору 1921 г. большевики признали независимость Польши, к которой отошли западные районы Украины и Белоруссии. Советская Россия в лице Польши приобрела на своих западных границах постоянного и амбициозного врага, а капиталистический Запад – самоуверенного союзника в борьбе с большевиками.

4. Сложившаяся на восточноевропейском трансграничном пространстве России ситуация с точки зрения советского правительства была чрезвычайно взрывоопасной. С середины 20-х гг. французская политика двухсторонних «тыловых союзов» сменилась попытками Антанты создать в Восточной Европе систему региональных блоков («Прибалтийское Локарно», «Восточное Локарно», «Среднеевропейское Локарно» и другие), призванных укрепить европейскую безопасность. Советский Союз оказался вне рамок этой системы, и его руководство одолевало подозрения и кошмары создания «единого антисоветского фронта» и начала антисоветской войны. Перед советской дипломатией была поставлена задача: не допустить создания «единого антисоветского фронта» за счет: а) игры на «межимпериалистических противоречиях» и б) заключения двухсторонних договоров СССР с восточноевропейскими странами.

5. Начало политики «сравливания» капиталистических государств было положено еще советско-германским Рапалльским договором 1922 г. и продолжено Берлинским договором 1926 г. Основные усилия советской дипломатии были направлены против планов создания многостороннего «Прибалтийского Локарно», в котором активная роль отводилась Польше. В начале 1926 г. советское правительство предложило правительствам Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии заключить с каждым из них договор о ненападении. Латвия, Эстония и Финляндия дали на советскую инициативу неопределенные ответы. Литва же, у которой сложились крайне напряженные отношения с Польшей из-за Вильно, ответила согласием. В сентябре 1926 г. между СССР и Литвой был подписан договор о ненападении и нейтралитете, который означал советскую поддержку Литвы в ее территориальном споре с Польшей. Острота польско-литовских противоречий похоронила идею «Прибалтийского Локарно». Однако тогда же советской дипломатии, несмотря на многочисленные ноты протеста, не удалось предотвратить заключения румыно-французского и румыно-итальянского гарантийных договоров, подтверждающих включение Бессарабии в состав Румынии.

6. Вновь вопрос о восточноевропейском пространстве в политике СССР возник в 1934 г. в связи с обсуждением Восточного пакта. Это был совместный франко-советский проект о коллективном обеспечении безопасности стран Восточной Европы. Предполагалось, что в

случае нападения на одну из стран-участниц пакта остальные его члены должны были автоматически оказать жертве агрессии военную помощь. Впервые за годы существования Советский Союз привлекался к участию в масштабном европейском проекте. Однако Восточный пакт не был подписан в связи с негативной позицией Германии и Польши.

7. Поворотным моментом в разрешении восточноевропейской трансграничной проблемы СССР был пакт Молотова-Риббентропа, подписанный в августе 1939 г. Договор открывал возможность советскому правительству вернуть то, что было утрачено еще при Ленине: Прибалтику, Восточную Польшу, Финляндию, Бессарабию. Весь этот регион стал сферой геополитических интересов Советского Союза. В 1939–1940 гг. советское правительство реализовало основные положения пакта. Перечисленные в нем территории, за исключением Финляндии, были включены в состав СССР.

8. В годы второй мировой войны уже в рамках антифашистской коалиции советскому правительству удалось добиться согласия западных лидеров на сохранение советских границ, сложившихся в 1939–1940 гг. Более того, в состав СССР была включена часть Восточной Пруссии с г. Кенигсбергом. В октябре 1944 г. между Сталиным и Черчиллем было достигнуто известное «процентное соглашение» о регулировании сфер влияния в Восточной Европе. Советская сторона получала преимущественные интересы в Румынии и Болгарии, равные с Великобританией – в Венгрии и Югославии. Великобритания получала преимущество в Греции. Оккупация советскими войсками значительной территории восточноевропейских стран к весне 1945 г. значительно расширила зону советского влияния. К концу 40-х гг. трансграничные восточноевропейские государства: Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, а также Югославия, были включены в «советскую империю», названную «социалистическим содружеством».

Т.Ю. Жуковская

СССР и Лига наций: опыт сотрудничества с международной организацией

Общепризнанно, что советское правительство не признало Лигу наций, так как не было включено на равноправных условиях в систему организованных международных отношений. Столкнувшись с необходимостью учитывать Лигу наций как фактор международной жизни правительству РСФСР пришлось в ходе работы Генуэзской конференции. В первом же выступлении Чичерин поднял вопросы о долгах, о всеобщем разоружении и о пересмотре состава участников конференций. Французы выступили резко против всех трех пунктов. Англичане фактически поддержали два первых российских предложения, а вопрос

о Всемирной конференции предпочли замять. Обратим внимание на этот момент. В предложении Чичерина, безусловно, заметны параллели с «Декретом о мире». Но для западных держав была бы выгоднее прямая сноска на мировую революцию, нежели далеко идущие последствия такого предложения: контроль над международной организацией со стороны советского правительства, которое единственное из всех на данный момент располагало идеологической базой для использования поддержки определенных социальных слоев (в частности, рабочих).

К началу 1926 г. НКИД впервые официально формулирует основное направление и тактику своей деятельности, которые до сих пор только косвенно прослеживались в официальных документах – заключение индивидуальных договоров о дружбе со всеми государствами в противовес Локарно и Лиге наций.

Сам факт вступления СССР в Лигу наций ставит перед нами основной вопрос: с какой конкретной целью был сделан этот шаг? В отчетном докладе Молотова о работе правительства VII съезду Советов СССР 28 января 1935 г. объяснение давалось в рамках концепции коллективной безопасности и с указанием на фактическое признание международного авторитета СССР тридцатью государствами, несмотря на сомнения последнего в эффективности действий подобных организаций.

Данное объяснение не является единственным объяснением принимаемых шагов. Уже в 30-е гг. существовала версия, по которой Советский Союз вступил в Лигу наций для обеспечения безопасности своих западных границ. В апреле 1934 г. в одном из своих писем российский дипломат в эмиграции А. Маклаков дал следующее объяснение сложившейся ситуации: 1) возможное «желание взорвать Лигу наций»; 2) стремление избежать польско-германской опасности. Из содержания этого же письма следует, что большие надежды возлагаются на Францию, а не на международную организацию. Тем более, что именно с Францией были связаны надежды на реализацию Восточноевропейского пакта. Сам по себе этот проект так и не был реализован. А переговоры по его реализации, хотя и были заведены в тупик, явились толчком для вступления Советского Союза в Лигу наций.

Сам Восточный пакт разрабатывался в рамках системы коллективной безопасности. Официально начало было положено разработкой развернутого плана создания системы коллективной безопасности в Европе, одобренного Политбюро ЦК ВКП (б) 19 декабря 1933 г.

В ходе переговоров столкновение интересов ряда стран привело к изменению некоторых моментов. Не желая участвовать в региональном пакте, Франция предлагала заключить с СССР особое соглашение, по которому она гарантировала выполнение пакта остальными участ-

никами, а в случае нарушения его предоставляла Советскому Союзу помощь, а СССР в таком же порядке гарантировал Локарнское соглашение, то есть оказывал помощь Франции в случае нападения на нее Германии. Чтобы иметь основания для подобной помощи с точки зрения существовавшего международного права, потребовалось вступление СССР в Лигу наций.

Таким образом, если рассматривать вариант «перестраховки и прикрытия тыла», то вступление СССР в Лигу наций являлось своего рода встречным обязательством по отношению к Франции.

Предположим, что данные меры предпринимались исключительно ради обеспечения безопасности западных границ СССР. Нарушение этих границ в июне 1941 г. ставит под сомнение правильность выбранной линии поведения, но лишь при одном условии: если эта линия проводилась последовательно, и если параллельно с ней не решались задачи, противоречащие официально заявленной цели.

Имеется в виду конкретно следующее: для обеспечения системы коллективной безопасности Советский Союз должен был быть заинтересован в сохранении Лиги наций как действующей организации.

Общий характер официальных заявлений наталкивает на мысль, что советская сторона отнюдь не стремилась укреплять данную международную структуру своим сотрудничеством, и ставит вопрос: а не было ли в данный момент основной тактикой НКВД и советского руководства дискредитация и развал Лиги наций?

Но Лига наций была единственной международной организацией с универсальным статусом, через которую можно было влиять на ситуацию в Европе. Желание «взорвать Лигу» могло привести к потере выхода на широкую международную арену. Другое дело – компрометировать ведущие страны, максимально ослабить их влияние. Сделать это одним слишком трудно, почти нереально. Попытаться использовать государства, находящиеся под влиянием той или иной державы, можно, но это означает дополнительные усилия в дипломатической работе, дополнительные финансовые затраты и множество свидетелей своей деятельности. Практически беспроигрышный вариант – противопоставить силу силе равнозначной. Во-первых, в ходе такой борьбы и ту, и другую сторону ждет если не полный крах, то значительное ослабление экономических и политических позиций. Во-вторых, имея дело с одним государством с каждой стороны, меньше риска оставить след своей подобной деятельности. А в случае выявления каких-либо компрометирующих материалов можно сослаться на злостную провокацию. Германия в этом вопросе фактически представляла и одного из предполагаемых участников конфронтации (например, с Францией) и, в то же время, конкурента не только в целях, но и в методах их достижения.

В итоге, можно согласиться, что тактической задачей работы СССР в Лиге наций была дискредитация Лиги, если это рассматривать как шанс скомпрометировать те государства, которые являлись ведущими в такой организации.

СССР, в силу установившегося с октября 1917 г. совершенно иного политического и социального устройства, представлялся враждебной силой как в лагере победителей (Великобритания, Франция, США), так и в лагере побежденных (Германия, Италия, Япония). Однако противоречия идеологического порядка между капитализмом и социализмом лишь усугубили существовавшее и ранее соперничество между государствами. Неразбериха гражданской войны создала немало пограничных споров, которые СССР был заинтересован разрешить в свою пользу. Национальным интересам (подразумевается интересам подавляющего большинства граждан СССР) вступление в Лигу наций соответствовало практически случайно, можно сказать, ситуационно, всего лишь как одно из мероприятий по созданию коллективной безопасности. Но, на наш взгляд, именно вступление СССР в Лигу наций создавало ситуацию, больше всего способствовавшую нарушению мирового спокойствия (такого, которое устраивало Англию и Францию). Ведь, вступив в международную организацию, уже изрядно скомпрометированную неспособностью решить даже небольшие разногласия между странами, СССР подспудно пытался скомпрометировать и страны, считавшие себя вне конкуренции в вопросах международного влияния. Это была фактическая заявка на изменение системы международных отношений, в которой СССР видел себя в роли лидера, определяющего не только направление развития в общих чертах, но и правила поведения каждого из участников.

Л.Е. Козлов

Где проходила российско-югославская граница?

Согласно концепции Д.Н. Замятина, выработка действенных международных решений сопряжена с ведением активного диалога, в ходе которого происходит трансформация используемых в нем географических понятий. Эти понятия подвергаются упрощению и становятся более ясными для участников диалога. В целях достижения компромисса они вынуждены формировать компактные политико-географические образы стран или территорий, отсекая ненужные им географические знания об объекте, выявляя и окончательно формулируя простой образ [1].

Новое политико-географическое знание может вобрать в себя определения, характеризующие объект, которые с традиционной точки зрения являются несовместимыми или мало совместимыми. К примеру, исследование политики Российской Федерации на Балканах пока-

зывает, что какой-либо зарубежный регион необязательно должен быть географически пограничным другой стране, чтобы восприниматься в качестве пограничного населением этой страны.

Окончание «холодной войны» повлекло за собой качественную перестройку системы международных отношений, в которой Россия стала играть существенно меньшую роль, чем Советский Союз. Осознание подобной перемены растянулось на несколько лет и было выявлено в процессе не только международного, но и внутривнутриполитического диалога. Сокращение ресурсов для проведения активной внешней политики повлекло за собой закономерное уменьшение зоны национальных интересов, включая страны Центрально-Восточной Европы. Однако парадоксальным образом на балканском направлении данная зона только расширилась.

Современный политико-географический образ Балкан, в центре которого находится бывшая Югославия, в России выглядит следующим образом:

- это стратегически важный регион, контроль над которым весьма выгоден той или иной великой державе;
- это регион, в котором у России есть несомненные национальные интересы, не позволяющие ей отстраниться от участия в делах региона;
- это взрывоопасный регион, неосторожные вторжения в дела которого расшатывают стабильность всего мира;
- это регион, операции НАТО в котором несут прямую угрозу безопасности России.

О существовании данного образа можно судить по многочисленным публикациям в популярной прессе, научной литературе, данным социологов, инвент-анализу внешней политики России на Балканах. Общественная дискуссия о югославском кризисе протекала в нашей стране чрезвычайно бурно, а реакция россиян на действия НАТО в Косово оказалась наиболее масштабной из всех кампаний протеста относительно какой-либо международной проблемы постбиполярного периода.

Подчеркнем, что такой интерес, кажущийся сегодня вполне естественным, в начальный период югославского кризиса практически отсутствовал. СССР поддерживал тесные связи с Югославией лишь в период Второй мировой войны, а после конфликта Сталина и Тито СФРЮ перестала быть обычным членом соцлагеря. Соответственно, никакого особого внимания Балканам советская пропаганда не уделяла.

Начало гражданской войны в Югославии и присоединение России к антисербским санкциям привлекли внимание лишь политически активной общественности, в особенности научной элиты. Почти три года

Югославия в поле зрения российского общества была лишь одним из многих конфликтных очагов, возникших на развалинах социалистического мира. Однако последовательные усилия акторов российского политического процесса и внешнеполитических партнеров России в корне изменили такое положение дел.

Глава министерства иностранных дел РФ А.В. Козырев одним из первых назвал Балканы зоной традиционных интересов России и энергично включился в урегулирование конфликта. При том, что в министерстве находились эксперты, говорившие правительству об отсутствии как целей, так и материального обеспечения активной внешней политики на полуострове, Россия последовательно участвовала во всех международных инициативах, касающихся кризиса. То есть, из образа региона были исключены традиции прохладных отношений СССР и Югославии.

Несмотря на все усилия отечественных дипломатов выглядеть непредвзятыми арбитрами, у России создался устойчивый имидж покровителя сербов. Не только сербские или русские националисты, но также западные политики постоянно заявляли, что в силу историко-культурного родства у России есть больше возможностей вести диалог с сербами. В самой России парламент, часть научного сообщества, СМИ, большинство политических партий требовали от МИДа отмежеваться от антисербской позиции западных миротворцев.

Ощущение культурной близости было усилено сочувствием сербам как жертвам агрессии НАТО. Сообщения о гуманитарной помощи неизменно сопровождались замечаниями о традициях помощи России балканским народам в их нелегкой судьбе. Правительство России в этот период лихорадочно искало национальную идею, руководители государства на Рождество и Пасху взяли за правило стоять со свечками в церкви. Неудивительно, что сарказм в употреблении термина «братья-сербы» исчезает из проправительственных и большинства либеральных СМИ. Тем самым, в образе региона были заретушированы культурные, исторические и языковые различия народов России и Югославии, а также малая степень их религиозности на рубеже 1990-х гг.

Внимание мирового сообщества к югокризису возрастало год от года. Бесперывно шли мирные переговоры, в урегулирование конфликта было вовлечено множество международных организаций (ООН, ОБСЕ, Евросоюз, Исламская конференция, НАТО и др.) и национальных государств, в переговорном процессе зачастую представленных на высшем уровне. В миротворческие миссии ООН были вложены средства и усилия государств вплоть до Непала и Кении. Поэтому к 1994 г., когда НАТО стала проводить операции непосредственно

на Балканах, из образа региона исчезло то, что он – небольшой по размерам, слабо развит экономически, а участники конфликта воюют, главным образом, за деревни и проселки.

При объяснении активности НАТО на Балканах из образа региона было исключено его положение вдаль от основных транспортных магистралей, связывающих Россию и Западную Европу. Цели расширения зоны действий альянса в России виделись сугубо экспансионистскими. Жертвы среди мирного населения и размещение новых баз, казалось, подтверждали агрессивный характер НАТО. Зачем расширять альянс, если не считать Россию потенциальным врагом? Само собой разумеющимся в российском внешнеполитическом дискурсе стало то, что Балканы – стратегически важный регион, откуда может начаться новый натиск на восток. Никто при этом не вспоминал, что Наполеон, Вильгельм II и Гитлер направляли в Россию свои армии через Польшу (которая выразила желание вступить в НАТО еще в 1993 г.). Точно так же вдаль от Балкан проходят основные маршруты внешней торговли России.

Новый образ Балкан был завершен во время операции НАТО в Косово. Протесты против бомбардировок прокатились по всему миру, действия альянса осудило руководство стран, где проживает более половины населения планеты. При том, что главной мишенью протестов были методы принуждения к миру, а не выбор объекта этого принуждения, данный регион стал восприниматься, как луп современной системы международных отношений. Оценивая действия НАТО на Балканах, на протяжении всех 1990-х гг. внешнеполитическая элита России считала вероятной перспективу расшатывания стабильности всего мира. Понятно, почему более 90% россиян в той или иной мере следили за событиями в Косово (по данным ФОМ и ВЦИОМ).

Таким образом, из реального образа Балкан в ходе внутри- и внешнеполитического процесса были отсечены те признаки, которые свидетельствовали россиянам о его малой значимости в мировой политике. Этот процесс и стал «упаковкой» политико-географического образа балканского региона. Среди его практических следствий можно выделить повышенное внимание российского общества к делам региона, настороженность в отношении западных партнеров по югославскому урегулированию, усиление этнокультурного фактора во внешней политике России. При этом достаточно посмотреть на карту, чтобы удостовериться, что Югославия лежала почти в тысяче километров от России, отделенная от нее несколькими границами, в стороне от наиболее важных для нашей страны магистралей, а НАТО вышла на российские рубежи в совершенно других точках Восточной Европы.

«По мере дальнейшего ведения переговоров каждый из политических партнеров может по-своему «распаковывать», разворачивать этот образ в зависимости от своих политических интересов», – пишет Д.Н. Замятин. В России такой распаковкой стало восприятие Балкан в качестве региона, кризисные ситуации в котором напрямую влияют на безопасность нашей страны. Основной целью действий НАТО в бывшей Югославии, в подобной трактовке, становится подрыв безопасности России. Отсюда вытекает необходимость сотрудничества с Балканами именно как с пограничным регионом.

Примечания

1. Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира // Полис. 1998. №6.

О.А. Романов

Трансграничное сотрудничество и национальная идентичность, или «еврооптимисты» против «евроскептиков»

Преамбула

Конституция ЕС – не пустая декларация принципов. Это документ, который разграничивает сферы компетенции Евросоюза («союзного Центра») и государств-членов. За 50 лет европейской интеграции государства-члены передали большую долю национального суверенитета Центру (Брюссель).

Механизм интеграции Европы включал в себя следующие этапы:

- Формирование таможенного союза и общего рынка.
- Свобода движения товаров, услуг, капиталов – как показатель единства внутреннего рынка.
- Валютный союз.
- Политический союз.

Историческая ретроспектива

Прошлое: ЕС – содружество независимых государств, сотрудничающих в сфере экономики, политики и права на основе договоров.

Настоящее становится прошлым: Проект Конституционного договора был подготовлен и официально представлен 28 октября 2002 г. президиумом «Европейского конвента» (состав, порядок формирования и задачи данного Конвента были установлены Декларацией Лааке-на «Будущее Европейского Союза»). 25 сентября 2003 г. Европарламент принял проект Евроконституции, в его основе которого заложена система сдержек и компромиссов. Документ был признан «неидеальным, но превзошедшим все ожидания». Создатели документа попытались учесть точки зрения всех членов Союза.

Будущее – ЕС содружество, где на смену договорным отношениям приходят отношения, свойственные федеративному государству, где

есть всемогущий Центр и более или менее самостоятельные субъекты федерации. Проект предполагает контроль Брюсселя над национальными экономиками, над иммиграционной и юридической политикой членов ЕС, над внешней политикой. При этом подразумевается главенство законов Евросоюза над законами входящих в него стран. Президент ЕС – на вершине властной пирамиды.

Правовая основа

С течением времени менялись основополагающие документы, регулирующие деятельность ЕС. Сначала это был Договор о европейском объединении угля и стали (1952 г.), с 1957 г. – Римский договор о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС), с 1992 г. – Маастрихтский договор (вступивший в силу с 1993 г.), который вместо ЕЭС создал Европейский союз. Конституция ЕС – не просто старые документы ЕС, сложенные в одну папку. В ней есть множество принципиальных новшеств. Ее особенности – в масштабности и необходимости глубоких институциональных реформ.

Новации Конституции ЕС

Вместо единогласия почти по всем вопросам вводится принцип принятия решений квалифицированным большинством. Это означает отказ от принципа консенсуса при принятии решений и, таким образом, от права вето. Закон будет считаться утвержденным, если за него проголосовали страны, представляющие более 60% населения ЕС. К сфере союзной компетенции относятся внешняя политика и оборона, фиксируется институт европейского гражданства. С другой стороны, появляется статья, регулирующая добровольный выход из ЕС, о чем раньше не говорилось ни в одном европейском документе. Вводятся посты президента и министра иностранных дел ЕС, европейского прокурора, реформируется состав европейской комиссии, дополнительными функциями наделяется Европарламент. Права последнего в принятии решений будут существенно расширены. Если сегодня он является лишь консультационным органом, то, согласно новой Евроконституции, он будет принимать участие в разработке большинства законов ЕС. Также документ предусматривает поддержку общественной инициативы. К примеру, европейцы смогут инициировать рассмотрение Комиссией вопросов, которые волнуют их более всего. Кроме того, проект основного закона также распределяет сферы компетентности ЕС и стран-участниц. В частности, к первым относятся вопросы торговли и валюты, ко вторым – все сферы, контроль за которыми не передан конституцией органам ЕС. А вопросы охраны окружающей среды и энергетической политики будут распределены между Союзом и странами-участницами.

Перечень разногласий:

- кто будет управлять Европой (т.е. сколько каждое государство получит голосов в основном исполнительном органе ЕС Еврокомиссии);
- создание европейской системы безопасности;
- положение об общих христианских ценностях.

Разрешить разногласия должен постоянно работающий орган – Межправительственная конференция.

Страны-участники 25 государств объединены общей целью – созданием сильной и единой Европы, деятельность которой была бы основана на следующих принципах – стабильность, справедливость и честность. Все государства, которые являются членами ЕС в настоящем или станут таковыми в перспективе, не выступают против идеи о необходимости наличия конституции, но четко отслеживают возможные политические и экономические последствия представленного проекта.

Сторонники («еврооптимисты»): шесть государств, стоявших у истоков ЕС во главе с Францией и Германией, не намерены допустить тотального пересмотра проекта Конституции.

Противники («евроскептики»):

- члены ЕС оппозиционеры – Испания, Австрия, Финляндия;
- кандидаты в ЕС оппозиционеры – страны Восточной, Центральной Европы и Прибалтики; наиболее активна Польша;
- международные движения – антиглобалисты;
- национальные организации – европейские профсоюзы.

Цена вопроса о принятии конституции ЕС – баланс интересов большинства участников.

Происходит расширение общего рынка Евросоюза на 100 млн. потребителей за счет принятия новых членов. Расплатой за это станет значительная утечка капиталов структурных фондов на восток. Ряд регионов, традиционно получающих трансферты из структурных фондов ЕС, будут вычеркнуты из списков получателей. После вхождения в ЕС страны центральной и восточной Европы и Балтии попадают под действие так называемых Pre-Accession Funds (PHARE, ISPA). Если расширение ЕС произойдет до 2006 г., то ЕС, не меняя бюджетных планов структурных фондов на 2000–2006 гг., сможет выделить до 57 млрд. евро вступившим странам.

Варианты поведения:

- уточнять, но не разрушать (Франция);
- предложение о пересмотре принимается абсолютным большинством (Италия);
- вы выдвигаете претензии, мы выставляем вам новые условия (Бельгия);
- бюджет и конституция взаимосвязаны – кандидаты в ЕС хотят торпедировать реформы, мы урежем бюджет (Германия).

Мнение экспертов

Спектр оценок проекта странами-участницами ЕС достаточно широк. Еще до принятия документа Еврокомиссия высказывала опасения, что он повлияет на рост бюрократии и снизит эффективность работы Комиссии. А председатель Еврокомиссии Романо Проди отмечал, что «проект конституции ЕС может парализовать сообщество, потому как не решает проблемы организации ЕС и, более того, является шагом назад». Если Франция и Германия практически полностью поддерживают документ, то Испания высказывает намерения внести в него ряд изменений. Официально Великобритания поддерживает новую европейскую конституцию. Однако в британской печати, в частности, в Лондонском издании «Sunday Times», неоднократно проскальзывал скепсис относительно того, что государство без писаного основного закона принимает участие в процессе создания конституции для ЕС. В целом же, большинство критически настроенных к основному закону европейцев не поддерживают передачу ряда функций национальных правительств общеевропейским структурам и опасаются превращения Союза в федеральную супердержаву. Английские евроскептики полагают, что конституция санкционирует создание европейского супергосударства, в результате чего британское правительство утратит контроль над многими сферами политической, экономической и общественной жизни в собственной стране. Премьер-министр Финляндии Матти Ванханен подверг критике проект договора о конституции Европейского Союза, отметив, что ряд положений проекта не предусматривает сохранения сбалансированности институтов ЕС и не гарантирует равных прав странам-членам союза. «Никто не может ограничить наше право обсуждать положения, которые представляют для нас проблему», – такова позиция Польши, высказанная министром В. Чимошевичем.

Итоги

Проблема принятия конституции ЕС заключена в нахождении баланса между интересами крупных и малых стран в вопросе управления и представления интересов в рамках будущего союза. Вопрос в том, как поделить суверенитет между Европой и национальными государствами. Вероятно, это дело времени. Реально происходят следующие действия по достижению цели принятия конституции ЕС. Во-первых, страны укрепляют взаимодействие друг с другом на основе схожих позиций (создание внутренних неформальных блоков). Пример – идея французов о создании «группы пионеров» – стран-добровольцев, которые, никого не дожидаясь и ни с кем не советуясь, объединятся в пилотном проекте глубоко интегрированной Европы. Во-вторых, выработка и реализация такими странами единой политики в достижении поставленной цели без

компромиссов и уступок оппонентам. В-третьих, достижение согласия по основным вопросам со странами-оппозиционерами за счет экономических предпочтений в краткосрочной перспективе.

Обсуждение в Интернете

Автор: markiza в: 15.03.2004 17:01

Предмет: Хотелось бы уточнить...

Материал О. Романова актуален и интересен, но во время его прочтения у меня появилось несколько вопросов, ответы на которые, надеюсь, автор даст без особого труда.

1. «Проект Конституционного договора был подготовлен и официально представлен 28 октября 2002 г. президиумом «Европейского конвента» (состав, порядок формирования и задачи данного Конвента были установлены Декларацией Лаакена «Будущее Европейского Союза»).

Насколько мне известно, окончательный вариант проекта Конституции был представлен Конвентом в июле 2003 г.

Ссылка на сайт, посвященный истории создания Конституции ЕС: www.europa.eu.int/futurum/treaty_history_en.htm

В отрывке, касающемся Конвента, говорится, что его встречи продолжались с февраля 2002 г. по июль 2003 г.

Ссылка на сайт самого Конвента: <http://european-convention.eu.int/bienvenue.asp?lang=EN>

Ссылка на мой материал на эту тему:

www.br.minsk.by/print.php?article=19137

Что же тогда произошло 28 октября 2002 г.?

2. «25 сентября 2003 г. Европарламент принял проект Евроконституции, в основе которого заложена система сдержек и компромиссов». В программе Европарламента одобрение отчета Комиссии по Конституционным делам было запланировано на 24 сентября 2003 г. (см. <http://www2.europarl.eu.int/omk/sipade2?PUBREF=//EP//TEXT+AGENDA+20030924-LASTV+0+DOC+XML+V0//EN&L=EN&LEVEL=3&NAV=S&LSTDOC=Y>)

Возможно, сместили? Если да, то я внесу изменения в свои документы... Если можно, с источником.

3. «Перечень разногласий:

– кто будет управлять Европой (т.е. сколько каждое государство получит голосов в основном исполнительном органе ЕС Еврокомиссии);

– создание европейской системы безопасности;

– положение об общих христианских ценностях».

Насколько мне известно, важным, помимо распределения голосов в Еврокомиссии, является перераспределение пропорций голосов в Совете ЕС (или Европейском Совете министров, как его называют по

старой памяти), где договором Ниццы определено одно соотношение, а сейчас планируется совсем другое. Это тоже стало одним из ключевых аргументов Испании и Польши (они на втором месте по количеству голосов сейчас) в оспаривании текста черновика Конституции.

Ссылки на материалы на эту тему:

[http:// quickstart.clari.net/qs_se/webnews/wed/bn/Queu-constitution-poland.R3_WF_DO6.html](http://quickstart.clari.net/qs_se/webnews/wed/bn/Queu-constitution-poland.R3_WF_DO6.html)

[http:// news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3308917.stm](http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3308917.stm)

www.euobserver.com/index.phtml? sid=18&aid=14789

[http:// news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/3252628.stm#whatsticking](http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/3252628.stm#whatsticking)

Можете ли Вы объяснить причину, по которой Вы считаете этот пункт менее существенным, чем распределение голосов в Еврокомиссии?

На этом пока все. С нетерпением жду ответа,

Мария Садовская

20.03.2004 12:53

Предмет: Ответ О. Романова

Уважаемая Мария, она же markiza, отвечаю кратко на Ваши вопросы:

1. Ответ на вопрос содержится в самой статье: Проект Конституционного договора был официально представлен 28 октября 2002 г. Данная информация включена в текст статьи на основе данных, изложенных на сайте МГЮА, посвященном европейскому праву.

2. Данная информация включена в текст статьи на основе данных, представленных на сайте МГЮА, посвященном европейскому праву.

3. Перечень разногласий включает постановку вопроса в широком смысле: кто будет управлять Европой; и как один из примеров приводится ситуация, связанная с деятельностью Еврокомиссии. Что не исключает иллюстрацию проблемы другими не менее актуальными, но одноплановыми фактами. Если отвлечься, то можно определить проблему словами Козьмы Пруткова: нельзя объять необъятное. Тема исследования гораздо обширнее рамок статьи.

Олег Романов

М.И. Рыхтик

Ценностная составляющая безопасности: шанс или помеха трансграничному сотрудничеству?

В работах по безопасности, выходявших в последнее время, наблюдался отход от наследия политического реализма. Изучение безопасности в геополитической традиции уходит в прошлое. В настоящее время все больше внимания привлекают идеи исследователей, выступающих за смену парадигмы. Приоритетными становятся так называемые «нетрадиционные» аспекты безопасности, ставшие уже вполне

«традиционными». Список новых угроз пока не устоялся: распространение оружия массового поражения, нелегальная иммиграция, организованная преступность, распространение наркотиков, терроризм, ухудшение экологии и пр. Под влиянием либерального направления в теории международных отношений безопасность стала рассматриваться как ценностная категория. В основе – либерально-демократические республиканские идеалы и ценности.

Включение тематики «новых вызовов безопасности» в дискуссию происходит в России на фрагментированном фоне. По сути, речь идет о том, что она отражает не только политико-идеологический раскол, но и спор эпистемологического характера. Дискуссии по проблеме безопасности – это спор о понимании существа международных отношений. Речь идет об определении субъектности в международных отношениях. Размежевание происходит в связи с ответом на вопрос – являются ли государства единственными участниками (субъектами, акторами)? В какой степени глобализация смещает центр сферы безопасности от национального государства к более крупным коллективным образованиям, глобальному (международному) сообществу или, наоборот, согласно одному из течений субстанционального направления (как охарактеризовал их Н.М. Мухарьямов), к более «мелким» – например, регионы или этнические группы как полноправные субъекты международной политики? П.А. Цыганков именует эту ситуацию как спор между «государственниками» и «плюралистами».

Таким образом, одна из новых тенденций в теории безопасности – изучение роли новых субъектов (акторов, участников) международных отношений. Речь идет об изменении роли государства и утрате на современном этапе его монополии на обеспечение безопасности. Однако последние трагические события, связанные с увеличением числа террористических актов, заставляют политиков принимать экстренные меры по нейтрализации этой угрозы. Призывы к объединению усилий всего международного сообщества в борьбе с терроризмом на глобальном и региональном уровнях сопровождаются односторонним укреплением внутренней безопасности тех государств, граждане которых становятся непосредственными жертвами этих преступлений. Таким образом, мы наблюдаем попытку государства сохранить ведущую роль в сфере безопасности. Его «похороны» оказались преждевременными. Несмотря на то, что «агентами безопасности» сегодня могут выступать неправительственные или субнациональные инстанции, государство одно сохраняет за собой легитимное право принять решение или применить силу, особенно если речь идет о территории другого государства.

Если предположить, что национальные государства растворяются (могут заменяться на региональные негосударственные союзы, или же, согласно так называемой британской школе, международным сообществом), то в условиях унификации внутри этого пространства можно говорить о приоритетности так называемых «новых» вызовов безопасности. Однако ни реалисты, ни либералы не могут в достаточной степени объяснить эти тенденции, ибо отвергают их значимость для анализа. Определенного внимания заслуживают предложения конструктивистов рассматривать потенциал субрегионального и трансграничного сотрудничества для решения проблем безопасности.

Еще одна тенденция – «денационализация» или десуверенизация. Относительная десуверенизация приводит к изменению роли границ – они постепенно лишаются сугубо разделительных функций. Этот процесс проходит на фоне активизации новых форм связей и взаимодействий, именуемых некоторыми экспертами сетевыми. Сетевые связи ломают традиционную иерархию и включают более широкий список участников (ТНК, организации, партии и т.п.). Увеличивающееся многообразие субъектов мирового сообщества сопровождается новой иерархизацией отношений между ними. Это приводит к усложнению системы и создает более широкое пространство для столкновения интересов. Традиционные участники мировой политики также активно используют сетевое взаимодействие для решения своих задач. Например, приграничные территории, которые сегодня могут рассматриваться не столько в качестве барьера для сдерживания внешней экспансии, сколько как источник дополнительных социально-экономических, финансовых, культурных и других возможностей решения проблем безопасности. Внешнеполитическая активность регионов в 1990-е гг. стала значимым фактором международной жизни.

Анализ литературы по трансграничному сотрудничеству позволяет сделать вывод о явном доминировании европейской проблематики. Действительно, активность регионов стала значимым фактором европейского строительства. Наибольших успехов в развитии трансграничного сотрудничества достигли именно в Европе, а также в Северной Америке. Это вполне объяснимо, ибо эти регионы отличаются схожестью не только социально-экономических и политических, но культурных факторов. В этой связи возрастает значимость более детального изучения трансграничного сотрудничества в других регионах, не столь благополучных и характеризующихся большим разнообразием. Регионов, расположенных скорее на периферии глобализационных процессов.

Ценностные категории задают определенные рамки системе безопасности и ограничивают выбор инструментов ее обеспечения. Отказ

принять либерально-демократическую шкалу ценностей тем или иным субъектом международных отношений ставит под сомнение эффективность создаваемой системы безопасности. Поскольку диспропорции в развитии мирового сообщества, которое поделено на тех, кто «глобализировался», и на тех, кто «не глобализировался», существенны, нет уверенности в том, что сохранится целостность ценностной составляющей безопасности. Из-за громадного «цивилизационного» разрыва трудно ожидать формирования некой универсальной модели глобальной безопасности. В каждом регионе она будет иметь свою специфику. Именно приграничные пространства могут стать площадкой формирования новой по содержанию системы безопасности, дать больше шансов для успешной нейтрализации «новых» угроз.

Общие факторы, способствующие развитию не только трансграничного сотрудничества, но и созданию единых представлений о безопасности на региональном уровне: географический, климатический, коммуникационный и инфраструктурный, языковой, образовательно-культурный, ценностный. Проживающие в одном регионе люди чаще имеют одинаковый уровень образования (знание или понимание языка соседа, толерантное отношение к представителям другой культуры), в идеале – наличие схожей системы ценностей и норм жизни. Они обладают, как минимум, историческим опытом общения и решения социально-экономических проблем с соседями. Именно приграничные регионы обладают подобным набором факторов, что и может позволить достаточно успешно решать задачи обеспечения безопасности трансграничного сотрудничества.

Так чем же является ценностная составляющая безопасности? На глобальном уровне она представляется скорее препятствием, чем шансом. Помеха заключается в том, что из-за стремления «утвердить» универсальную шкалу ценностей, норм и принципов ограничивается количество тех, кто готов их защищать. Иная ситуация на региональном уровне. Приграничные районы обладают рядом характеристик, обеспечивающих одинаковое понимание интересов и формирующих общую шкалу угроз. Таким образом, развитие трансграничного сотрудничества дает шанс созданию региональной системы безопасности, объединяющей тех, кто разделяет единые ценности и интересы.

С другой стороны, можно отказаться от приоритетности ценностной составляющей и перевести международное сотрудничество в сфере безопасности на функциональный уровень. Это также легче сделать на региональном уровне в рамках трансграничного сотрудничества. Список общих разделяемых всеми норм должен быть коротким и абсолютно конкретным. Пограничное пространство представляет большие возможности для этого.

Литература

1. 10 лет СНГ – поиски, потери, приобретения: Материалы международной конференции / Под. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М., Волгоград, 2002.

2. «Мягкие» и «жесткие» вызовы безопасности в Приволжском федеральном округе: Аналитический доклад. Н. Новгород, 2001.

3. Национальные интересы и проблемы безопасности в меняющемся мире. Материалы междисциплинарного семинара / Отв. ред. К.С. Гаджиев, Г.В. Каменская, Э.Г. Соловьев. М., 2003.

4. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под. ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М., Волгоград, 2002.

5. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Т. 1. М., 2003.

В.В. Савин

Интегрирование планетарного человеческого сообщества: от девятиполярного мира к трем «естественным» коалициям больших пространств

Социально-экономическое, военно-политическое, культурно-религиозное, научно-техническое и т.д. развитие человечества привело к тому, что к концу XX в. стало возможным эффективное управление бóльшим количеством людей, проживающих на большей территории, чем это было возможно еще в середине XX в. Именно поэтому, на мой взгляд, проекты интегрирования человечества в рамках национальных государств потерпели сокрушительное поражение: свидетельством этого стало и нарастание (наиболее ярко в последнее десятилетие) локальных конфликтов и беспомощность ООН, оперирующей уже устаревшими национальными схемами, и растерянность элит, мечущихся между национальной автаркией и глобальным расползанием. Более того, все очевиднее становится, что итогом продолжающихся попыток интегрирования человечества на основе национальных государств (в недавнем прошлом Великобритании, Германии и СССР, в настоящий момент США, в будущем, возможно, Китая и т.д.) станет новая (третья) мировая война, чреватая полным уничтожением человечества [1].

Объяснение всех причин подобных прогнозов займет слишком много времени и места, поэтому в данной статье автор вынужден будет ограничиться основной (и достаточной) причиной этих результатов: неконтролируемой комплексностью интегрирования человечества на основе национальных государств.

В самом деле, если представить комплексность (К) задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества как функцию мно-

гообразия (M) и динамики (D) (для простоты можно взять функцию произведения), то есть $K=f(M, D)=M*D$, то даже при отсутствии динамики, то есть при $D=1$, для анализа развития человечества на основе представленных в настоящее время в ООН около 220 государств и территорий необходим учет около 20 тыс. межстрановых отношений (так как многообразии этой задачи $24090=219+218+\dots+2+1$, то комплексность $K = 24090 = 24090*1 = M*D$).

Как известно, в силу особенностей работы человеческого мозга человек в состоянии одновременно осознанно обработать 7(+2) логических элементов [2]. Соответственно, учет и контроль человеком (даже экспертом) комплексности интегрирования человечества на основе национальных государств невозможен. Это означает, что в результате попыток реализации таких проектов интегрирования человечества должны возникнуть (и возникают) стимулы «ловить рыбку в мутной воде», то есть стимулы к оппортунистическому поведению – ведь нельзя понять, кто был причиной неполадок и наказать виноватого. Отсюда становится очевидным и недоверие большинства человечества к любым попыткам реализации проектов интегрирования планетарного человеческого сообщества на основе национальных государств.

Как известно, решение проблемы избыточной комплексности видится в эмергентных общностях (параметрах, свойствах и т.д.), уменьшающих комплексность задачи [3]. Действительно, в последнее время повышается интенсивность консолидации национальных государств в так называемые большие пространства, объединяющие в единое целое большее или меньшее число территориально и культурно близких стран: в качестве примера можно назвать ЕЭС, ЕврАзЭС, МЕРКОСУР, НАФТА, ЮжноАзиатский Союз, Лигу арабских государств и т.д.

Экспертное сообщество разделилось в своих мнениях о том, каким будет завершение процесса формирования больших пространств и какое количество полюсов предполагается у формирующегося многополярного мира больших пространств. Безусловно, окончательный ответ на этот вопрос даст история, однако, на мой взгляд, уже сейчас можно сказать, что мы постепенно становимся свидетелями формирования 9 (девяти) больших пространств (а, следовательно, и девятиполярного мира). Сюда относятся:

Р – российско-североевразийское большое пространство,

К – китайское большое пространство,

ОЕ – объединенноевропейское большое пространство,

АМ – арабскомусульманское большое пространство,

И – индийское большое пространство,

А – африканское большое пространство южнее Сахары,

ИА – индонезийско-австралийское большое пространство,
СА – североамериканское большое пространство,
ЛА – латиноамериканское большое пространство.

К сожалению, комплексность задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества на основе больших пространств – хотя и меньше комплексности предыдущей задачи – не позволяет избежать оппортунистического поведения. Как несложно заметить, по аналогии с предыдущими рассуждениями для анализа развития человечества на основе 9 (девяти) больших пространств необходим учет 36 ($M=36$) меж-большепространственных отношений (так как многообразие этой задачи $36=8+7+\dots+2+1$). Однако, если отказаться от статики и предположить, что фактор, описывающий динамику, равен 5 ($D=5$), то комплексность проекта интегрирования человечества на основе больших пространств также становится неподконтрольной человеку ($K=180=36*5$) и создает стимулы для оппортунистического поведения.

Учитывая то, что решение проблемы избыточной комплексности видится в эмергентных общностях (параметрах, свойствах и т.д.), уменьшающих комплексность задачи, именно как такое решение и стоит расценивать, на мой взгляд, интенсификацию дискуссии о коалициях больших пространств: например, об АСЕАН, о ШОС, о проекте Большой Европы и т.д. Анализ частоты (пограничных) конфликтов позволяет сделать вывод о том, что стратегическая кооперация и комплиментарность между большими пространствами наиболее вероятны для тех больших пространств, которые не имеют общих границ и, следовательно, не конкурируют за ресурсы пограничных областей, а также наименее вероятны для тех больших пространств, которые имеют общие границы и конкурируют за ресурсы пограничных областей.

При этом я исхожу из того, что:

- для больших пространств, соприкасающихся друг с другом, характерны пограничные конфликты (пограничные конфликты есть и между индийским пространством и китайским пространством, и между китайским пространством и североамериканским пространством, и между индонезийско-австралийским пространством и китайским пространством, и между латиноамериканским пространством и североамериканским пространством и т.д.);

- большие пространства, не имеющие общих границ, обладают взаимной комплиментарностью (в качестве примера можно привести китайское пространство и объединенноевропейское пространство, индийское пространство и российско-североевразийское пространство, арабскомусульманское пространство и индонезийско-австралийское пространство и т.д.).

Таким образом, на мой взгляд, процесс формирования коалиций больших пространств завершится созданием трех «естественных» коалиций больших пространств (трех треугольников):

Россия – Индия – Латинская Америка (РИЛА),

Китай – Объединенная Европа – Африка южнее Сахары (КОЕА),

Арабско-мусульманский мир – Индонезийско-австралийский мир – Северная Америка (АМИАСА).

Комплексность задачи интегрирования планетарного человеческого сообщества на основе «естественных» коалиций больших пространств уже позволяет избежать оппортунистического поведения при интегрировании планетарного человеческого сообщества. Как несложно заметить, для анализа развития человечества на основе 3 (трех) «естественных» коалиций больших пространств необходим учет 3 ($M=3$) межкоалиционных отношений (так как многообразие этой задачи $3=2+1$). При этом не нужно отказываться и от динамики: при предположении того, что фактор, описывающий динамику, равен 5 ($D=5$), комплексность проекта интегрирования человечества на основе «естественных» коалиций больших пространств подконтрольна человеку ($K=15=3*5$) и предотвращает возможность появления стимулов для оппортунистического поведения.

Кроме того, в рамках концепции «естественных» коалиций больших пространств реализуется и поликонтекстуальность мира, позволяющая и России (или шире, Северной Евразии), и иным большим пространствам и ориентироваться, и конструктивно действовать в новом «многополярии», т.е. различать, каковы принципиальные интересы России (или шире, Северной Евразии) по отношению к каждому из больших пространств.

Важно отметить, что без сохранения геостратегической субъектности Россией (или шире, Северной Евразией) построение нового многополярного мира «естественных» коалиций больших пространств невозможно. Это следует, в частности, из того, что:

- прежде всего, Россия несет на себе тяжесть интеграции большого пространства Северной Евразии (Казахстана, Белоруссии, Киргизии, возможно, и других территорий, чувствующих свою российско-североевразийскую идентичность);

- прежде всего, большое пространство России (или шире, Северной Евразии) несет на себе – в силу принадлежности к богатому «Северу» – тяжесть интеграции «естественной» коалиции больших пространств Россия – Индия – Латинская Америка (РИЛА);

- прежде всего, «естественная» коалиция больших пространств РИЛА несет на себе – в силу особого центрального положения на евра-

зийском континенте двух центров РИЛА (России и Индии) – тяжесть интеграции человечества на основе трех «естественных» коалиций больших пространств (РИЛА – КОЕА – АМИАСА).

Примечания

1. См., например: Axelrod R. *The Complexity of Cooperation – Agent-based Models of Competition and Collaboration*. Princeton, 1997. P. 132; Epstein J.M., Axtell R. *Growing Artificial Societies: the Social Sciences from the Bottom up*. MIT Press, 1996. P. 101; Pachevsky E., Taylor T., Jones S. *Mutualism Promotes Diversity and Stability in a Simple Artificial Ecosystem // Artificial Life*. Vol. 8. 2002. P. 19.

2. См., например: Miller G.A. *The Magic Number Seven Plus or Minus Two: Some Limits on Capacity for Processing Information // Psychological Review*. Vol. 63. 1956. P. 83.

3. См.: Kneer G., Nassehi A. *Niklas Luhmanns Theorie sozialer Systeme: eine Einführung*. 4. Aufl. München, 2000. S. 63.

Д.Г. Сельцер

Политические кланы как трансграничное явление

Концепт «политический клан».

Политические кланы – образования, ведущие борьбу за власть, контроль правительственных институтов. При этом для клана должны быть характерны: группирование вокруг мощной политической фигуры, связь с ведущими финансовыми, торговыми, промышленными и силовыми структурами, доступ к СМИ и к информации, представительство в легислатуре (Т. Грэхем).

Региональные политические кланы – устойчивые политико-экономические группы, объединенные общностью политико-экономических интересов и консолидированные, как правило, вокруг руководителей региональной исполнительной власти на основании отношений личной зависимости и преданности как важнейшего неформального механизма внутри-кланной консолидации (О. Гаман-Голутвина).

Кланы: общие подходы.

Издававшаяся в СССР литература рассказывала о зарубежных кланах как трансграничном явлении, мощном рычаге влияния на мировую экономику и политику. Распад социалистического лагеря, реалии постсоветской эпохи закономерно отодвинули рубрику «их нравы» на второй план. Борьба элит за политическое обладание, приватизация собственности, оформление негосударственных сегментов экономики в странах недавнего социализма дали такой толчок неформальным практикам, что затмили недавно высмеивавшиеся зарубежные «эталонны». Напротив, Дэвид Старк и Ласло Бруст остроумно сравнили транзит стран Восточной Европы к рынку с движением от плана к клану.

Та же тенденция – и в бывших республиках СССР. Аналитики говорят о существовании влиятельных кланов в Украине. Обвинения оппозиции в адрес президента и большинства Верховной Рады в попытке установить «криминально-клановую тиранию» выглядят не только политическим действием, но и экспертным мнением, ведь оппозиция – тоже кланы. В Средней Азии и Закавказье кланы – традиционная схема жизнеустройства. Постсоветская действительность, однако, проявила и сходства, и различия. Известно об особом положении кланов Алиева (Азербайджан) и Ниязова (Туркмения). Но есть принципиальное различие. Правитель, разумеется, может опираться только на «своих», не оставляя для «чужих» вакансий в иерархиях. Тогда, в силу светского характера государства, клановость может вести к конкуренции элит-кланов и реальной оппозиции («азербайджанский slučaj»). Патриархальные кланы в Туркмении не трансформируются в политические: все каналы политической мобильности жестко заблокированы кланом Ниязова.

К началу перестройки номенклатура представляла собой теневые клиенты, кланы и корпорации, ждущие своего часа для конверсии ресурсов в политическую власть или экономический капитал. Ослабление, демифологизация системы, признание права существования негосударственной собственности стремительно усиливали своекорыстие номенклатуры, и не только ее, что создало возможности вертикального кланового строительства.

После августа 1991 г. к власти вне логики кланового развития пришла интеллигенция (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Россия), впрочем, вскоре сметенная постноменклатурными кланами. В российском случае – Семей (причудливым симбиозом старой и новой номенклатуры). Ее доминирование в политике и экономике продлилось до конца 1999 г. В 1998–1999 гг. разразилась война Семьи с московским кланом, чей лидер, мэр Москвы, уверовал в победу на президентских выборах и открыто грозил Семье расправой. Коллизии 1999 г. завершились усмирением «москвичей», выдвижением «питерцев» и «силовики». При этом тема кланов была одной из самых острых в политической риторике («война кланов», «кровная межклановая вендетта», «межклановая подкованная борьба»).

Факторы кланового развития России.

Патриархальные традиции России. Разрыв по линии государство-общество. Отсутствие «подачи снизу». Жесткое вертикальное деление общества на правящую элиту, социальные группы, осуществляющие передачу принимаемых «наверху» решений, и население как объект управления. Партисипации и демократизации системы управления не произошло.

Анклавизация, гибридизация российской трансформации. Рассредоточение, исчезновение власти и собственности, единого центра принятия решений, его замена множеством таких центров. Возникновение феномена закулисья – договоренностей «по понятиям».

Институциональная рыхлость госструктур, заменяемых теневыми формами власти. Приватизация институтов государства кланово-корпоративными структурами. Растворение государства в политико-финансовых корпорациях или подмена его сегментов олигархическим правлением.

Существование групп интересов, сетевых, личных отношений, обволакивающих государство и общество. Провинциализация политики и властных отношений. Активизация регионов, выдвижение на политическую сцену провинциала со свойственным ему менталитетом – образом жизни, социальными предрассудками, комплексами, эгоизмом, своекорыстием.

Каковы перспективы кланового развития России?

Ответ на этот вопрос напрямую связан с ее демократическим транзитом.

Подход В. Гельмана. «Неформальная институционализация» (вытеснение формальных институтов неформальными правилами как одно из распространенных следствий посткоммунистических трансформаций) окажется не временным «дефектом» российского политического режима (в смысле отклонения от «правильного» пути развития), а долгосрочной и принципиальной его характеристикой.

Подход А. Мельвиля. Демократические транзиты не всегда имеют демократический характер, но «транзитологическая парадигма» победит.

Подход Л. Шевцовой. Клановая машина обеспечила победу В.В. Путина на выборах 2000 г. Ныне его правление может эволюционировать и в направлении усиления бюрократически-олигархического (кланового) начала, и в сторону усиления авторитаризма – средства выбора не клановой логики, новой легитимации и, в перспективе, прорыва за пределы бюрократически-авторитарного режима.

Подход Т. Грэхема. Клановая система – важный фактор российской политики. Она придает ей стабильность, но и ограничивает возможности для маневра. Плюсы клановой системы: многополярность, балансирование между кланами, деидеологизация. Минусы: цинизм, пренебрежение интересами общества (объективно, демократия для кланов – оружие в борьбе за власть, не более).

На наш взгляд, перспектива кланового развития России и стран СНГ в среднесрочной перспективе весьма велика. Причины – и в объективной слабости общества, и в серьезной заинтересованности власти

в такой модели. Могут меняться кланы-победители, их персональный состав, но не система. Пока кланы – ее фундамент. При очевидном «но». Новое «партийное государство» («Единая Россия») как технология – межклановый альянс. Одновременно это и не клановая логика, разрушающая отдельные кланы и, возможно, ослабляющая клановую машину.

Литература

1. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
2. Гаман О. Политические элиты: Эволюция теоретических концепций. М., 1996.
3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998.
4. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: Персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди России – 2003. М., 2004. С. 36–79.
5. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. №4. С. 6–25.
6. Грэхэм Т. Новый российский режим // Независимая газета. 1995. 23 ноября.
7. Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты: Проблемы переходного периода. М., 1995.
8. Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? // Полис. 2003. №4. С. 161–164.
9. Паппэ Я.Ш. «Олигархи». М., 2000.
10. Понеделков А.В. Политико-административная элита: генезис и проблемы становления современной России // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь, 2002. С. 92–113.
11. Шевцова Л.Ф. Россия перед выборами: шанс для осмысления // Библиотека публикаций Московского Центра Карнеги: Брифинг Московского Центра Карнеги. 2002. Т. 4. Вып. 11: Ноябрь.
12. Штыков П., Зотов С. Группы интересов как научное направление российской политологии (1993–1996) // Социальные исследования в России: Немецко-российский мониторинг. Берлин; М., 1998. С. 34–61.
13. Stark D., Bruszt L. Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge, 1998.

А.А. Семашкина
Воздействие региональных властных элит
на внешнюю политику России

Внешняя политика, по определению, осуществляется государством за пределами его юрисдикции. Как правило, высшая государственная власть неохотно допускает в эту сферу иные силы. Однако сегодня в России региональные властные элиты реально претендуют на участие в выработке и реализации внешней политики страны. Трансграничное сотрудничество является не только целью, но и средством становления региона в качестве субъекта международных отношений.

Внешнеэкономические связи, административные, культурные и прочие контакты, осуществляемые органами власти субъектов РФ, постепенно переходят в политические. Государство мало-помалу делегирует некоторые внешнеполитические функции регионам. Из региональных акторов политического процесса именно властные элиты располагают наибольшими возможностями влиять на политику федерации. Прежде всего, регионы стремятся участвовать в принятии внешнеполитических решений, которые связаны с международными экономическими проектами.

Приморский край является типичным примером противоречий региональных властей и федерального Центра относительно внешней политики страны. Краевая администрация на протяжении 1990-х гг. формировала образ региона как обочины Федерации, чьи потребности при разработке внешней политики не учитываются, но, несмотря на это, Приморье остается форпостом России, защищающим не только собственные, но и общероссийские интересы, причем в условиях серьезной внешней угрозы.

Одним из доказательств ошибочности политики России в Северо-Восточной Азии называлось недопущение представителей Приморского края к разработке и реализации ряда международных проектов, наиболее известным из которых стала программа ООН по развитию на стыке границ КНДР, Китая и России особой экономической зоны «Туманган». Инициатором проекта в начале 1990-х гг. выступил Китай, предполагавший активизировать экономическое развитие своих северо-восточных провинций. В периодической печати и академических кругах России данная тема обсуждалась чрезвычайно бурно, фактически став иллюстрацией как российской внешней политики на Дальнем Востоке, так и региональной политики Центра в отношении Приморья.

Изначально на местном уровне интерес к проекту «Туманган» был гораздо выше, чем в Москве. Об этом можно судить хотя бы по количеству публикаций в популярной прессе или сборниках научных кон-

ференций. Местные авторы, в большинстве своем, сосредотачивали внимание на негативных аспектах проекта. Отсутствие четко сформулированной концепции политики России на Дальнем Востоке, конкретной программы действий по реализации проекта, координирующего органа с участием представителей Приморского края, способствовало возникновению мнения, что Москва либо не понимает интересов страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, либо игнорирует их.

Кроме того, администрация края конфликтовала с Центром по поводу демаркации российско-китайской границы, в результате которой к Китаю отошла часть приморской территории. Пик этого конфликта, позволившего краевым властям представить себя как защитника территориальной целостности России, пришелся на 1995 г. В преддверие думских и президентских выборов отряды казаков отправлялись на охрану границы, местная пресса изобиловала патриотической риторикой, появлялись сообщения об обнаружении иностранных подлодок в заливе Петра Великого и американских шпионов в Хасанском районе.

Историческая ретроспектива проекта «Туманган», представлявшая резко националистическую точку зрения на проблему, была активно подхвачена администрацией края. Акцент в подобных публикациях ставился на возможность потери стратегически важной территории в устье реки Туманной, которая будет отдана на откуп китайскому и японскому капиталу: «Москва выступает за то, чтобы расширить присутствие Китая в этом регионе, а местные власти и население категорически против»[1].

Когда представители краевой администрации были-таки включены в процесс обсуждения программы, в рамках которой возникли регионально выгодные проекты развития местных портов Посъет и Зарубино, оценки «Тумангана» немедленно изменились в подконтрольных администрации СМИ на положительные. Хотя программа впоследствии так и не была реализована, в целом, она очень удачно сработала на имидж губернатора Е. Наздратенко и показала, что местная власть способна воздействовать на конкретные внешнеполитические акции России в АТР.

Администрация С. Дарькина в данном направлении продвинулась еще дальше, примером чему стал проект нового нефтепровода из России в Северо-Восточную Азию. Существует два варианта направления этого строительства: непосредственно в Китай или же в порт Находка, для дальнейшей транспортировки танкерами в Японию. Премьер-министр российского правительства М. Касьянов во время последнего официального визита в Японию лично занимался этим вопросом.

Когда идея строительства была впервые озвучена, центральные СМИ комментировали вариант с Находкой как запасной, маловероят-

ный для реализации, слабо проработанный. Но краевая администрация энергично включилась в рекламу и лоббирование находкинского проекта, сулящего краю большие выгоды, и на сегодняшний день китайский вариант отошел на второй план.

Подобные прецеденты характерны и для других регионов России, причем необязательно пограничных. Интересно, что вовлечение регионов во внешнеполитический процесс происходит одновременно с пропагандируемым усилением вертикали власти. Активизация самостоятельной внешнеторговой деятельности регионов, повышающая уровень их благосостояния без вложений из Центра, на словах вызывает одобрение Москвы: «Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества повышает эффективность использования производственной базы, а в приграничных территориях – и социальной инфраструктуры. Кроме того, приграничное сотрудничество создает условия, способствующие прекращению оттока населения из стратегически важной, в основном малонаселенной приграничной территории»[2].

Однако необходимо понимать, что при реализации международных экономических проектов местные власти думают, в первую очередь, о собственном будущем. Помимо выгоды конкретных лиц такие проекты способны создавать новые рабочие места, повышать доходы всего региона, т.е. работать на положительный имидж существующей в регионе власти.

Без соответствующей политической поддержки в федеральных институтах, отвечающих за внешнюю политику страны, реализовывать подобные проекты без проволочек вряд ли возможно. Институционализация внешнеполитического участия регионов, естественно, намного бы упростила этот процесс. Происходящие в последние годы серьезные изменения в юридическом статусе субъектов федерации, повышающие уровень их участия в международных отношениях, свидетельствуют, что давление региональных элит с данной целью действительно оказывается и является достаточно успешным. Очевидно, именно регионы в 1999 г. пролоббировали принятие федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ».

В соответствии с законом субъекты федерации обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами других федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, участие в работе некоторых международных организаций. Особенно важно, что субъекты федерации, с согласия правительства России, могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных

государств, что как раз является внешнеполитической деятельностью. Хотя соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенные органами власти субъекта РФ, не являются международными договорами, в некоторых случаях федеральный Центр предполагает нести по ним ответственность.

После принятия данного закона правовая основа для осуществления международной деятельности субъектов федерации была развита рядом постановлений правительства России. Министерство иностранных дел открыло свои представительства во многих регионах России, а также создало специальный департамент для взаимодействия с субъектами федерации. Большой резонанс вызвало поручение В. Путина от 22 января 2003 г.: «Создать при МИДе России Совет руководителей субъектов Российской Федерации по вопросам международной и внешнеэкономической деятельности для подготовки и представления предложений президенту Российской Федерации».

Такие шаги федерального Центра свидетельствуют, что обычные международные отношения, в которые вовлечены субъекты федерации, постепенно переходят в политическую плоскость. Федеральная власть в лице главы МИД РФ И.И. Иванова открыто признала, что эти нововведения призваны повысить эффективность решения внешнеполитических задач на региональном уровне. Вовлечение региональных властных элит в разработку и реализацию внешней политики государства позволяет предположить, что внешнеполитический процесс России претерпит качественные изменения, в том числе децентрализацию федерации.

Литература

1. Коммерсантъ-daily, 22.07.1995.
2. Вестник Содружества, 2003, №8.

А.А. Сергунин

Опыт трансграничного сотрудничества: пример Калининграда

Характеристика нынешней ситуации.

После распада СССР Калининградская область (КО), оказавшись оторванной от основной части страны, испытала множество проблем, связанных с ее анклавным статусом: обеспечение КО топливом, сырьем, товарами первой необходимости; экономический кризис, более глубокий, чем в других регионах РФ; помехи транзиту товаров и людей через страны Балтии; неразвитость транспортной инфраструктуры; необходимость конверсии оборонной промышленности и военной инфраструктуры, трудоустройства и обеспечения жильем бывших военнослужащих, численность которых за последние 15 лет уменьшилась

со 100 до 23 тыс.; многочисленные социальные проблемы (безработица, кризис системы здравоохранения, оргпреступность, наркотрафик); экологические проблемы; несоответствие системы высшего образования международным стандартам; необходимость обустройства границ с Польшей и Литвой, включая строительство новых погранпереходов и модернизацию старых.

Расширение ЕС – при всех новых возможностях, открывающихся перед КО, все же создает немало новых проблем. Меняются таможенные правила, стандарты, что может обернуться ограничением свободы передвижения товаров, ростом таможенных тарифов и транзитных платежей, и, соответственно, потерями для калининградского бизнеса. Балтийское море превращается во «внутреннее море Евросоюза», а отношения между ЕС и РФ в сфере рыболовства до сих пор не урегулированы. По требованию ЕС ужесточился визовый режим со стороны Польши и Литвы, что не замедлило сказаться негативно на свободе передвижения людей, туристическом и рекреационном бизнесе. Вероятность дальнейшей изоляции КО привела к тому, что некоторые аналитики стали называть КО эксклавом. Растущая изоляция КО как от России, так и от Европы может привести к увеличению разрыва в уровне и качестве жизни (уже существующего) между КО и соседними странами и дестабилизации ситуации в субрегионе. Анклавное положение КО в ЕС делает ее привлекательной целью для незаконных мигрантов со всего мира (в основном из Азии) с целью последующего проникновения на территорию Евросоюза. Вступление стран Балтии в НАТО и ЕС создает немалые проблемы для субрегионального режима контроля над вооружениями – особенно для Договора по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ), ибо эти страны не спешат присоединиться к данному договору.

В то же время было бы ошибкой фокусировать внимание только на негативных аспектах нынешнего положения КО и расширения ЕС и НАТО. 1990-е гг. принесли и немало позитивного для КО и его жителей. Область была открыта для международного сотрудничества, что создало множество возможностей для развития местного бизнеса, торговли, образовательного и культурного сотрудничества, повышения мобильности жителей КО. КО подверглась демилитаризации (хотя и хаотичной и весьма болезненной) и тем самым перестала быть для ее соседей символом военной угрозы со стороны России. Фокус субрегиональной политики сместился от вопросов военной («жесткой») к проблемам невоенной («мягкой») безопасности. Если федеральный Центр и КО грамотно выстроят свою политику и если ЕС проявит добрую волю, расширение ЕС может принести новые возможности для области в плане ее социально-экономического и культурного развития.

Возможные пути укрепления субрегионального сотрудничества по Калининграду.

Думается, что решение калининградской проблемы нужно искать в двух измерениях: 1) разработка цельной внутренней стратегии РФ в отношении КО; 2) диалог с ЕС (а также с другими европейскими организациями) по этой проблеме. Прежде всего, Россия и ЕС должны дать для себя честный ответ: каким они хотят видеть Калининград в будущем? Если РФ и ЕС хотят видеть КО процветающей зоной сотрудничества, то они должны отказаться от политики двойных стандартов и полумер и всерьез взяться за разработку совместной стратегии в отношении Калининграда.

Что касается внутрироссийской стратегии в отношении КО, то она могла бы включать следующие компоненты. Определение особого правового статуса КО, предусматривающего ее наделение более широкими полномочиями в сфере внешнеэкономической и международной деятельности. Это может быть реализовано в виде принятия специального федерального конституционного закона о КО. Нуждается в серьезной переработке действующий федеральный закон об особой экономической зоне (ОЭЗ) в КО (1996 г.). Новый закон должен быть нацелен на более широкое привлечение иностранного капитала и международных финансовых институтов к деятельности ОЭЗ. Последняя должна стать основным инструментом интеграции КО в единое европейское экономическое пространство. Проведение более активной и динамичной социально-экономической политики в регионе, нацеленной на решение накопившихся проблем (в частности, выполнение в полном объеме мер, предусмотренных в Федеральной целевой программе по социально-экономическому развитию КО (2001 г.). Более четкая координация деятельности местных и федеральных властей, а также различных центральных ведомств. Поддержка малого и среднего бизнеса, способного существенно укрепить местную экономику и создать социальные предпосылки (в виде «среднего класса») для стабилизации ситуации в КО. Активизация структур гражданского общества и их привлечение к решению проблем региона. «Наведение мостов» между экспертно-аналитическим сообществом КО (и РФ в целом) и властными структурами.

Что касается диалога РФ с ЕС (и другими европейскими «игроками»), то были бы целесообразны следующие меры. Более активное развитие торгово-экономического сотрудничества между КО, с одной стороны, и ЕС – с другой. Это сотрудничество должно быть прежде всего направлено на привлечение инвестиций и развитие высокотехнологичных производств в КО. Необходимо ускорить работу над созда-

нием Общего европейского экономического пространства, принципиальное решение о котором уже принято ЕС и РФ. В долгосрочной перспективе КО должна стать частью единой европейской зоны свободной торговли. Распространение на КО (а в перспективе – на всю РФ) программ по линии структурных фондов ЕС, которые дают гораздо большие возможности для экономических реформ, чем ТАСИС. Помощь ЕС в завершении конверсии (или, как вариант, диверсификации) оборонной промышленности и военной инфраструктуры КО. Интенсивное развитие транспортной инфраструктуры, включая ответвления паневропейских мультимодальных коридоров – *via Baltica* и *via Hanseatica*. Без них КО вряд ли может быть полноценно интегрирована в единое европейское экономическое пространство. Скорейшее заключение соглашения между РФ и ЕС по проблемам рыболовства. Введение упрощенного и стабильного визового режима для поездок российских граждан в и из КО через Литву, пуск скоростного безвизового поезда через территорию Литвы. Заключение соглашения о выдаче дешевых, многократных виз для жителей КО для краткосрочных поездок в Литву и Польшу (после их окончательного присоединения к Шенгену). Обустройство пограничной инфраструктуры: сооружение новых и модернизация старых погранпереходов, оснащение их современной техникой и информационными технологиями. Подписание соглашений о реадмиссии с ЕС. Реализация совместных экологических проектов в бассейне р. Неман, на побережье и в самом Балтийском море (в первую очередь российско-литовских инициатив Нида-1 и Нида-2). Помощь ЕС в радикальной реформе системы здравоохранения КО. Сотрудничество в области интернационализации системы образования КО (программы ТЕМПУС-ТАСИС, ИНТАС, Сириус, Леонардо и пр.). Помощь ЕС и других организаций в развитии институтов гражданского общества. Скорейшее присоединение стран Балтии к ДОВСЕ. Достижение соглашения между РФ и НАТО о военных планах последней в регионе (модернизация вооруженных сил стран Балтии, размещение или неразмещение военных баз НАТО на их территории, военный транзит через их территорию). Диалог с НАТО об ограничении морских вооружений в акватории Балтики. Развитие мер доверия между РФ и НАТО: обсуждение военных доктрин и бюджетов, ограничение масштабов учений, совместные учения, обмены офицерами и курсантами, визиты вежливости, обмен информацией о международных террористах, создание центра спасения на море.

Необходимо отказаться от так называемого «поэтапного» принципа урегулирования калининградской проблемы, когда имеющиеся спорные вопросы решаются изолированно друг от друга, что не просто

замедляет решение проблем, но и подрывает весь диалог в целом. Нужно вернуться к «пакетному» принципу, которого обе стороны придерживались до середины 2001 г., когда все частные вопросы решаются в «увязке» друг с другом. Сотрудничество между РФ и ЕС по Калининграду должно быть формализовано в виде специального, обязательного для обеих сторон, соглашения (особого или в форме протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.).

При наличии политической воли у обеих сторон КО могла бы действительно стать пилотным регионом, моделью для других пограничных регионов России, зоной сотрудничества и процветания.

Литература

- [http:// www.baltnet.ru](http://www.baltnet.ru) – Агентство новостей
- [http:// www.copri.dk](http://www.copri.dk) – Copenhagen Peace Research Institute
- [http:// www.enet.ru](http://www.enet.ru) – Информационное агентство
- [http:// europa.eu.int/external_relations/north_dim](http://europa.eu.int/external_relations/north_dim) – Сайт Европейской комиссии по Северному измерению
- [http:// www.gov.kaliningrad.ru](http://www.gov.kaliningrad.ru) – Сайт администрации Калининградской области
- [http:// www.iewis.org](http://www.iewis.org) – Сайт Института «Восток-Запад»
- [http:// www.isn.ethz.ch](http://www.isn.ethz.ch) – International Relations & Security Network, Center for Security and Conflict Research of the Zurich University of Technology
- [http:// www.kaliningrad.ru](http://www.kaliningrad.ru) – Сайт администрации Калининградской области
- [http:// www.klgd.ru](http://www.klgd.ru) – Сайт администрации Калининграда
- [http:// www.koenig.ru](http://www.koenig.ru) – Информационное агентство
- [http:// www.regions.ru](http://www.regions.ru) – Информационное агентство
- [http:// sipri.se](http://sipri.se) – Stockholm International Peace Research Institute

Н.А. Сорокина

Какая Латвия нужна России?

Политики Латвии не могут грамотно воспользоваться тем, что в их стране пересекаются интересы России, США и ЕС. Власти Латвии изо всех сил пытаются выяснить, чья рука: Вашингтона, Москвы или Брюсселя стала виновницей тех напастей, которые обрушились на страну за последние годы. В стране наблюдается застой в промышленности, увеличение числа недовольных среди нацменьшинств, а дипломатические демарши в адрес России только усугубляют ситуацию. Зациклившись на поиске виновных, правительство страны как будто не видит тех возможностей, которыми можно воспользоваться, играя на интересах других. Такая нестабильность власти, неопределенность политического курса Латвии не может не беспокоить Россию, которая

заинтересована в стабильности в Прибалтике. Далее я обозначу основные проблемы, которые Россия должна решить в отношениях Латвией, чтобы эта страна стала соответствовать интересам России.

Латвия без баз

Членство Латвии в НАТО не представляет угрозу российским национальным интересам. Большинство стран ЕС уже находятся в НАТО. То, что альянс увеличился на два с половиной млн человек, по сути не может беспокоить Россию больше, чем членство любой другой страны в этом блоке. Российское высшее военное руководство открыто заявляло, что только появление натовских военных баз в странах Прибалтики будет представлять какую-то угрозу безопасности России. Иными словами, России нужна Латвия без натовских военных баз.

Членство Латвии в НАТО принесет беспокойство скорее самой прибалтийской республике. Испортив отношения с Россией, Латвия слушает и слушается США. На прошедшем в конце мая «Балтийском форуме» видные ученые России и Латвии отметили, что, вступив в НАТО, Прибалтийские страны обезопасили себя с точки зрения гипотетической угрозы. Взамен получили другие – реальные. Латвийские военные в Ираке могут погибнуть в любой момент от действий террористов. Безопасность самой страны может также находиться под вопросом.

Как бы смешно это ни выглядело, но Латвия заявила о готовности побороться с терроризмом в Ираке за неделю до того, как США официально объявили войну бывшему иракскому диктатору Саддаму Хусейну. Такая позиция страны не могла остаться без внимания радикально настроенных исламистов. Военным Латвии следует теперь проявлять особую бдительность, чтобы обезопасить свою страну от террористов. Также и России есть о чем побеспокоиться. От мести террористов может пострадать русскоязычное меньшинство Латвии.

России нужно, чтобы данной категории жителей (граждан и неграждан) Латвии была обеспечена безопасность жизни и защита прав.

Права нацменьшинств

С точки зрения России, Латвия должна создать все необходимые условия для благополучной жизни русскоязычного меньшинства страны. Сюда входят следующие требования: предоставление гражданства русским «негражданам», предоставление русскому языку статуса государственного и полноценной возможности его изучения в школах.

Названные требования стали главным камнем преткновения в российско-латвийских отношениях. Упорствуя в своих стремлениях, во что бы то ни стало превратить русских в латышей, страна упускает шанс заработать на транзите из России. Российские власти открыто выступают против насильственной натурализации русских Латвии. Для того,

чтобы латвийские депутаты пересмотрели свои позиции, Россия ввела экономические санкции. Теперь Латвия теряет миллионы евро.

Какова ситуация сейчас? Власть и обычные люди устали от постоянных акций в защиту русских школ. Люди протестуют против проводимой латвийскими властями реформы, согласно которой планируется сократить до 40% количество занятий на русском языке. В акциях протеста регулярно участвует 50 тыс. человек.

Власти Латвии решили заставить всех говорить и думать на латышском. Угрозу они усмотрели не только в языке, но и в самих русских. В Латвии полмиллиона человек числятся «негражданами». В основном это русскоязычное население. Если бы эти люди получили латвийское гражданство, то ближайшие же выборы привели бы в Сейм совсем других политиков, а нынешние националисты потеряли бы власть.

Отношения Латвии с ЕС также не являются безоблачными. В Европейском союзе царят те же самые настроения, что и в России. Европарламентарии все чаще говорят, что позиция Латвии не отвечает европейским стандартам по правам человека. Являясь членом ЕС, эта прибалтийская республика не сможет игнорировать критику союза.

Латвийские политики любят заявлять, что их страна может выступит экспертом по России в ЕС. В Москве такие стремления вызывают недоумение.

Если латыши мечтают послужить мостом между Россией и ЕС, то нам такого моста не надо, такие заявления звучат из уст многих российских политологов. В России много недовольных политикой Латвии. К тому же Россия может строить отношения с ЕС напрямую, без посредников.

Российский бизнес в Латвии

Из-за политических причин российский бизнес сталкивается с проблемами в Латвии. России нужно, чтобы изменилась ситуация и в экономической части наших отношений с этой страной. В Латвии должны быть благоприятные условия для деятельности российских компаний.

В настоящее время экономическое положение в этой республике довольно сложное. Латвия и Польша являются самыми бедными странами Евросоюза. По информации Евростата, в Латвии ВВП на душу населения на 58% ниже, чем в среднем по Евросоюзу. Из новых членов ЕС самым «состоятельным» называется Кипр, обогнавший Грецию и Португалию. Далее следуют Словения, Мальта, Чехия, Венгрия, Словакия, Эстония, Литва и Польша, замыкает список Латвия.

В мае потребительские цены в Латвии выросли на 1,3%, за год – на 6,2%. Уровень годовой инфляции в 6% в Латвии не превышался с ап-

реля 1998 г. Данный процесс роста цен неуправляем. Ряд аналитиков прогнозируют, что в этом году инфляция составит 10%. Все это происходит на фоне того, что конкурентные возможности Латвии значительно ниже по сравнению с Западной Европой и даже Эстонией и Литвой.

В общей структуре латвийского импорта сектор, занятый Россией, приближается к 10 %. Латвия импортирует в больших объемах сырье и пытается избавиться от монополии на российские поставки газа и подключения только к электрической сети России. Страна поддерживает проект решения ЕС по интеграции новых стран-участниц Евросоюза в Трансевропейскую энергетическую сеть. Строительство нового газопровода из Дании через Польшу в Латвию обеспечит последней альтернативные российским поставки газа. В свою очередь, еще один проект предусматривает создание электрической сети, которая соединит Германию и Польшу со странами Прибалтики, Скандинавией и Россией. Последнее обеспечит Латвии электрическое соединение со странами Евросоюза, тогда как пока она подобное имеет только с Россией.

Для России переключение Латвии на европейский газ и электричество не принесет особых убытков. Скорее, сама Латвия вынуждена будет заплатить колоссальные суммы для реализации этих проектов.

В целом для России и ее экономической безопасности даже самая категоричная позиция Латвии не представляет никакой угрозы. Скорее наоборот, Латвия должна проводить более гибкую политику, чтобы Россия не нанесла ущерб ее экономике.

Совершенно очевидно, что российско-латвийские отношения переживают сложный этап, который продлится еще не один год. Впереди – неопределенность и нерешенность многих острых проблем. Для России прежде всего важно добиться от Латвии обеспечение защиты прав русскоязычного меньшинства и благоприятных условий для деятельности некоторых российских предприятий, которых интересует латвийский рынок. С точки зрения оборонной безопасности России важно, чтобы в Латвии не появились натовские военные базы. Только при выполнении этих условий российско-латвийские отношения будут ждать улучшение.

Обсуждение доклада

Шупик Г.Ф.: Надежда Александровна, большое спасибо за интересное, содержательное выступление. Два вопроса. Первый вопрос и небольшой к нему комментарий. Проблема НАТО. Мне показалось, по крайней мере, что Вы довольно легковесно относитесь к приближению НАТО к российским границам. Я не хотел бы, чтобы Вы поняли меня неправильно. Я не боюсь НАТО. По крайней мере, я больше боюсь китайцев, чем НАТО.

И второй вопрос. Я так понял из Вашего выступления, что Вы профессионально занимаетесь Прибалтикой. Как Вы считаете, первое, в какой из прибалтийских республик наиболее благоприятная ситуация для русскоязычного населения? И второе. Вы видите какие-нибудь перспективы для улучшения положения русскоязычного населения в ближайшее время? Спасибо.

Сорокина Н.А.: По поводу НАТО, это чисто моё убеждение, что НАТО уже долго существует, и мы знаем, что в нём находятся такие крупные державы, как Германия, Франция, Великобритания. Естественно, российскую политическую, военную элиту волнуют намерения НАТО, что НАТО собирается делать, какие угрозы представляет. И то, что в НАТО вступили такие маленькие страны, как страны Прибалтики, как Латвия, например, где 2,5 млн. населения. Это не может больше принести угрозы, чем НАТО до момента вступления этих прибалтийских стран. Единственное, что может волновать, это то, что могут появиться натовские базы. Если они появятся, то да, они будут близко находиться и к Калининградской области, где компактно проживает большое количество россиян, это, естественно, может беспокоить. Но пока баз нет, и НАТО, по сути, каким было, таким и является. Может, оно даже и ослабнет оттого, что оно так сильно расширилось.

По поводу русскоязычного меньшинства в Прибалтике наиболее хорошая ситуация в Литве, потому что в сталинские времена туда меньше всего отправляли русских и там проживает подавляющее количество литовцев, поэтому проблема национальностей там не стоит. В Эстонии и в Латвии эта проблема существует, и она будет существовать очень долго.

Овчаров Г.А.: У меня вопрос очень короткий, он заключается в перестановке двух слов Вашего доклада: какая Россия нужна Латвии, если она, конечно, нужна ей?

Сорокина Н.А.: Спасибо за интересный вопрос, очень такой неожиданный. Я как гражданка России больше озабочена тем фактом, что в Латвии проживает большое количество русскоязычного населения, это практически половина населения Латвии. Я думаю, что они нуждаются в нашей поддержке. Наша поддержка этой категории граждан несколько не ущемляет прав самих латышей. Они, естественно, имеют все возможности изучать свой язык, говорить на нём, но это не должно происходить в ущерб русскоязычного меньшинства.

Гончаренко А.И.: Надежда Александровна, у меня к Вам, как к специалисту, такой вопрос. Какие бы Вы сейчас дали рекомендации нашему правительству, президенту для того, чтобы улучшить наши отношения с Латвией? Естественно, что если будут улучшаться отно-

шения, то будет и улучшаться положение русскоязычного населения в этом государстве.

Сорокина Н.А.: То, что Россия проводит такую активную позицию на всех уровнях, в Евросоюзе, в Европарламенте, в Организации Объединённых Наций, этот вопрос обсуждается в средствах массовой информации, это вольно-невольно доходит до сознания латвийских националистов. Но сложностью, как я уже отмечала, является то, что националисты там держатся за власть. Если бы удалось им донести то, что власть они эту не потеряют, если дадут возможность русским пользоваться своим родным языком, и не будут ущемлять их прав. По моему, президентская администрация должна стремиться к этому.

Курныкин О.Ю.: Латвия среди других прибалтийских стран выделяется прежде всего значительной долей русскоязычного населения, и градус противостояния с основными этносами этим и определяется в каждой из этих республик. Вообще, должен сказать, что мы в России плохо знаем жизнь русской диаспоры. Это нам не делает честь. О жизни русских в Латвии мы можем судить только по тем картинкам, которые нам показывает телевидение. Это, конечно, мало. В связи с этим, у меня к Вам такой вопрос. Насколько русскоязычные в Латвии готовы интегрироваться в то, что называется «латвийской нацией», и насколько русские в Латвии организованы социально, политически, культурно?

Сорокина Н.А.: Если говорить об организации русскоязычной диаспоры в Латвии, то её можно назвать примером для всех других стран, где существует и действует русская диаспора. Там она очень организована, очень собрана и там есть известные лидеры, которые очень сильно раздражают латвийские власти. Я недавно, в мае, там находилась и разговаривала со студентами, школьниками, которые не довольны реформой образования. Они говорят, что не хотят становиться латышами, но они хотят жить в Латвии. Поэтому у них нет желания «натурализоваться».

Ерёмин И.А.: Я очень рад тому, что у нас нет ни одного доклада на нашей начавшейся конференции, который бы не вызывал интереса. Это самая высокая оценка труда выступающих. У меня сначала маленькая реплика по поводу обсуждаемой тематики. Президент Латвии, канадская гражданка госпожа Фреберга, открыто заявила, с чувством глубокого удовлетворения, как говорил в своё время Л.И. Брежнев, что её цель – добиться того, чтобы русские, живущие в Латвии, были бы латышами русского происхождения. Как Вы сказали, и все мы это знаем, для этого делается всё. В государственной политике Латвии проводится политика «ломать через колено». При этом Европейский Союз, прямо скажем, «проглотил» такую ситуацию. С оговорками, но Латвию приняли в Европейский Союз, несмотря на стандарты прав нацио-

нальных меньшинств. Есть один из вариантов выхода из ситуации, когда данное национальное меньшинство считает себя ущемлённым в культурном, языковом плане, я имею в виду македонский вариант решения проблемы национальных меньшинств. Как Вы считаете, такой вариант реален для Латвии?

Сорокина Н.А.: Не хотелось бы, чтобы в Латвии возникла острая конфронтация в этом плане. Самый лучший способ решать все вопросы – это политический. Лучше всего здесь, по-моему, договариваться с латвийскими властями.

Ерёмин И.А.: А они согласятся договариваться по-хорошему?

Сорокина Н.А.: Это должны делать дипломаты. Это дипломатические манёвры, расчёты и т.д. Но в Европейском Союзе никакая конфронтация, а тем более военная, не приемлема. Это совершенно не выгодно и России, потому что в состоянии войны жили бы и наши собственные граждане, не граждане Латвии.

Филиппов В.Р. У меня есть одно небольшое соображение по поводу проблематики доклада Надежды Александровны. Оно касается языковой политики Латвии (а отчасти, и всех «новых» прибалтийских государств). Мы хорошо знаем, что демографическая ситуация в этих государствах не вызывает никакого оптимизма. Депопуляция и старение населения – это характерные черты демографического воспроизводства населения почти всех европейских стран. Очень скоро перед этими странами встанет острейшая проблема воспроизводства трудовых ресурсов. Решить эту проблему без привлечения инородных трудовых мигрантов, скорее всего, не удастся. «Старая» Европа решает эту проблему привлечением гастарбайтеров из своих бывших колоний и используя знание соответствующих языков большинством населения этих стран. Франция, например, пополняет свои трудовые ресурсы за счет стран Магриба. Интересно, кого удастся привлечь для работы в небогатых странах Балтии? Потенциальные мигранты, знающие английский или французский язык, наверняка предпочтут работать в куда более «прибыльных» странах. В Прибалтику могли бы поехать трудовые мигранты из Центральной Азии и с Кавказа, если бы русский язык мог служить для них средством коммуникации с потенциальными работодателями. Увы, правительства этих стран делают все для искоренения русского языка на своих территориях. А надеяться на то, что, например, таджики возьмутся за учебники латышского языка, было бы неоправданным легкомыслием. Боюсь, через десять-пятнадцать лет недалёковидные прибалтийские политики будут вынуждены обязывать изучать русский язык не только носителей русской идентичности, но и нынешних ревнителей суверенной «самости». Если, конечно, захотят накормить своих голодных пенсионеров.

Е.И. Филатов

**Трансграничное сотрудничество в контексте динамики
взаимоотношений между Центром и регионами**

Считается, что защита национальных интересов является целью существования любого государства. История российской внешней политики 1990-х гг. постоянно опровергала эту аксиому. Одна из причин того, почему национальные интересы как основной ориентир в процессе выработки и осуществления внешней политики государством подменялись в России идеологизированными установками, погоней за быстро достигаемыми успехами и соображениями предвыборной борьбы, заключалась в отсутствии внимания или недостаточной проработанности вопроса взаимодействия интересов двух «уровней».

В 1995–1996 гг. специалистами из Совета национальной безопасности была предпринята попытка обозначить наличие интересов, отличных от государственных. Однако следует отметить, что в иерархии интересов, предлагавшейся ими и состоящей из интересов личности, интересов общества и интересов государства, просто не нашлось места интересам регионов, которые государство (отождествляемое с Центром) далеко не всегда адекватно представляет и защищает.

Вообще, наличие интересов регионов признавалось в той части, которая касается «оптимального соотношения интересов Центра и регионов» (говоря о соотношении, авторы этого тезиса невольно признали возможность того, что эти интересы не всегда совпадают). Кроме того, сама попытка ввести, например, понятие интересов личности как ориентира при проведении практической политики выглядит достаточно непоследовательной. С одной стороны, высшим национальным интересом России называлось обеспечение развития человека, устойчивого роста уровня его жизни и благополучия. С другой стороны, отмечалось наличие в качестве общего интереса всемерного укрепления государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность. При этом спектр возможных угроз этой безопасности настолько широк и неопределенен, что укрепление государства становится не только «общим», но и главным интересом. Таким образом, именно интересы Центра, фактически совпадающие с интересами московских элит (а не регионов, личности или общества), уравнивались (да и до сих пор еще уравниваются в некоторых документах) с национальными интересами. Существование же других интересов выступает в качестве одной из основных угроз этому «главному» интересу. При этом ожидается, что существование региональных интересов, не совпадающих с интересами Центра, должно привести к региональному сепаратизму, который

почему-то ставился в один ряд с национализмом и упоминался вместе с конфликтом в Чечне (который имеет мало общего с традиционным региональным сепаратизмом). Между тем, взаимоотношения между этими интересами гораздо сложнее.

Несомненно, что к концу 1990-х гг. центральная власть в России была слабее, чем когда бы то ни было за период после 1917 г. Центр, однако, прибегал к достаточно интересной стратегии сохранения влияния на регионы. Вместо формирования действительно федеративной (или конфедеративной) системы, пусть и на основе «фальшивой» федерации советской эпохи, политические и личные договоренности создавали комплекс отношений между Москвой и местными правителями. Общими характеристиками такой системы стали замена формальных институтов личными связями, «приватизация» большинства функций в общественной жизни, избыток частных вооруженных формирований для защиты приобретений отдельных лиц, коррупция. Российские региональные политики, будущее большинства из которых стало по сути противоположно будущему их страны, обеспечивали незыблемость своих позиций расширением пространства для маневра на региональном уровне. Это обеспечивало как относительную независимость от Центра, так и появление новых возможностей, даваемых мировым рынком местным экономикам. Возник целый класс местных политиков, чье политическое выживание зависело или от их способности противостоять зачастую грабительской политике Центра, или от достижения с этим Центром выгодных двусторонних соглашений.

Государственное устройство, основывающееся на общих принципах (например – конституционных) уступило место множеству личных связей и соглашений между центральной и региональными элитами.

Естественно, что в этих условиях и трансграничное сотрудничество становилось «заложником» способности тех или иных региональных политиков «выторговать» у федерального Центра для своих регионов преференциальный режим взаимодействия с зарубежными партнерами, налоговые льготы и льготный пограничный режим. Зачастую (как, например, на Дальнем Востоке) подобные договоренности вступали в прямое противоречие с национальными интересами страны. Ценой стабильности этого периода было общество с непреодолимыми различиями в положении различных регионов, отражающими разную степень удачи политических элит этих регионов.

Таким образом, последовательный учет региональных интересов заменялся на протяжении 1990-х гг. в России процессом достижения договоренностей между федеральным Центром и руководителями регионов (которые не всегда представляли даже интересы региональных

элит). В перспективе именно это, а не существование и трансформация в конкретные внешнеполитические решения региональных интересов, могло привести к фрагментации страны. К тому же договоренности с региональными руководителями часто были недолговечны. Что также не способствовало эффективности трансграничного сотрудничества.

В конечном же счете кризис в отношениях между Центром и регионами приводил и к потенциально опасному симбиозу между региональными властями и вооруженными силами, базирующимися в регионах. В качестве примера можно вновь привести Дальний Восток. В 1992 г. Сахалинский губернатор В. Федоров и вооруженные силы объединились в совместных усилиях не допустить восстановления дружественных отношений с Японией в обмен на Курильские острова. Именно возражения этой коалиции привели к пересмотру позиции центрального российского правительства. Этот прецедент показал способность Центра контролировать региональные власти и вооруженные силы, которые могли в то время открыто и безнаказанно создавать политические коалиции, направленные против политики Центра.

Крах подобной системы взаимоотношений между Центром и регионами наступил в августе 1999 г. при вторжении боевиков из Чечни в Дагестан. Необходимость реформирования старой системы стала очевидной.

Стартом административно-территориальной реформы стал Указ Президента от 13 мая №849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Однако реформа не ограничилась созданием института полномочных представителей. Летом 2000 г. был изменен принцип формирования Совета Федерации – из него были «изгнаны» губернаторы и главы региональных парламентов и взамен «посажены» представители последних (причем сильно зависящие от федерального Центра).

Другой составной частью реформы, о которой часто забывают, было введение постов Главных федеральных инспекторов. Аппараты полномочных представителей именно в лице Главных федеральных инспекторов должны были иметь ключевые позиции на федеральной горизонтали. ГФИ, являясь представителями федеральной власти, Президента Российской Федерации способны в области трансграничного сотрудничества обеспечивать защиту национальных интересов страны, «надстраиваясь» над внутренними интересами того или иного региона.

Естественно, это вызвало недовольство в ряде регионов. К возможным последствиям реформы тогда относили: репрессии, усиление спецслужб, поправление демократии, усиление бюрократических тенденций, развал страны на 7 частей. Несмотря на неоднозначные оценки

реформы, бытовавшие в начале ее проведения, следует признать, что административно-территориальная реформа проведена на конституционной основе. Для губернаторов же в качестве «утешительного приза» создали консультативный орган при Президенте РФ – Госсовет.

Давая оценку результатам административной реформы, можно отметить, что слишком многое в дальнейшем проведении данной реформы зависит от субъективного фактора – деятельности и популярности В.В. Путина. Аппараты полномочных представителей в силу того, что они фактически объединяют функции президентской ветви власти и ряд задач исполнительной, способны удерживать баланс федеральных, региональных и отраслевых интересов под контролем. Однако качество этого контроля очень сильно зависит от горизонтальных взаимодействий Полпредов и ГФИ. Влияние же новой системы взаимоотношений между Центром и регионами крайне неоднозначно. С одной стороны, полномочные представители могли, взаимодействуя между собой, способствовать артикуляции региональных интересов, касающихся трансграничного сотрудничества, и приведению их в большее соответствие с национальными интересами РФ. С другой стороны, качество и направленность такого воздействия полпредов на региональный политический процесс сильно варьировалось в различных регионах. В ряде же регионов, в которых контроль федерального Центра был традиционно слаб из-за их географической удаленности от Москвы и близости к динамично развивающимся соседям, полпреды в лучшем случае смогли озвучивать на региональном уровне позицию федерального Центра. Сотрудничество же на региональном уровне с зарубежными соседями идет фактически в обход аппаратов полпредов.

Позиция региональных политических элит и их интересы зачастую противоположны позиции и интересам федерального Центра. Реформа, решив ряд проблем, связанных с укреплением вертикали власти, оказалась бессильной помешать дрейфу ряда регионов в направлении укрепления трансграничных взаимодействий, зачастую в ущерб связям с федеральным Центром.

Литература

1. Балуев Д.Г. Завоевание будущего: внешняя политика России на рубеже веков. Н. Новгород, 1999.
2. Колобов О.А., Скларов И.П. Современный российский федерализм. Н. Новгород, 2001.

В.Р. Филиппов

Две парадигмы российской этнофедералистики

При всем многообразии формулируемых в этнофедералистике оценок и суждений, теоретическая интерпретация принципов модерни-

зации российского федерализма не выходит за рамки примордиалистского или конструктивистского подходов к определению природы этноса/этничности.

Исследователи, работающие в концептуальном поле примордиализма, онтологизируют этнос, понимая его как объективный социальный феномен, общность людей, консолидированных по ряду признаков; конструктивисты, напротив, полагают, что этнос представляет собой «воображаемое сообщество», ситуативную совокупность индивидов, субъективно осознающих свою культурную близость.

Первый взгляд предполагает приоритет прав этноса по отношению к правам индивида, второй, напротив, связан с признанием доминирования прав личности по отношению к правам любой, в том числе, этнической общности.

В зависимости от той или иной интерпретации природы этноса/этничности происходит выбор предпочтительных и возможных форм этнического самоопределения.

Для примордиалистов этот принцип – общепризнанная основополагающая норма международного и государственного права, конструктивисты, напротив, солидарны во мнении о том, что групповое этническое самоопределение – это не более чем ситуативный политический лозунг, не имеющий никакого отношения к праву как таковому.

Принципиально различным является в рассматриваемых интеллектуальных традициях и определение субъекта этнического самоопределения. Примордиалисты считают, что право на самоопределение представляет собой возведенную в закон волю народа; по мнению конструктивистов, право на самоидентификацию предполагает, что гражданин вправе свободно, без какого-либо воздействия, лично выбирать, считаться принадлежащим к какому либо этнокультурному сообществу (одному или нескольким) или нет. Таким образом, субъектом права на самоопределение в первом случае выступает абстрактный «народ» (этнос), во втором – индивид, реализующий свою этнокультурную идентичность.

Те исследователи, которые склоняются к мысли о коллективной правосубъектности этнических сообществ, либо настаивают на политическом самоопределении народов-этносов, либо готовы рассматривать различные формы практической реализации принципа этнического самоопределения, но непременно включая в этот континуум право на образование «собственного» государства. Ученые, работающие в теоретическом поле конструктивистской парадигмы, называют оптимальной формой реализации принципа этнического самоопределения институт экстерриториальной национально-культурной автономии.

В предметной области федералистики первая парадигма проявляется как апологетика этнической государственности и представляет собой концептуальную эволюцию ленинско-сталинской доктрины «территориально-государственного самоопределения наций», другая – тяготеет к либеральной прудоновской традиции понимания федерализма как формы «внеэтнической» региональной демократии.

Принципиально различно решается вопрос о предпочтительной модели государственного устройства России.

В концептуальном поле примордиализма Россия признается уникальной «многонациональной» страной, населенной народами-этнотами (или нациями), коллективное самоопределение которых предполагает наличие в структуре федеративного государства особого типа субъектов – «национальных» республик. Федерализм интерпретируется при этом по преимуществу как оптимальный механизм «национальной» (этнической) политики. Конструктивистский подход, напротив, предполагает постепенную деполитизацию этничности. Наличие в составе Российской Федерации этногосударственных субъектов признается при таком подходе серьезным конфликтогенным фактором, провоцирующим напряженности в межсубъектных федеративных отношениях, и в отношениях между этническими контрагентами на территории «национальных» республик, в стране в целом. Политическое самоопределение «этносов» в этом случае трактуется при этом как форма этнической и языковой дискриминации представителей «нетитульных» этнокультурных групп. Модернизация Российской Федерации представляется в этой парадигме эволюционным процессом унификации статусов, прав и обязанностей всех субъектов федеративного или унитарного (земель, «губерний») государства. Конечной целью модернизации признается либо демократическая форма территориальной федерации со значительно укрупненными субъектами, либо демократическое унитарное государство.

Принципиально различно трактуется в концептуальном поле примордиалистского и конструктивистского подходов проблема конституционной асимметрии федеративного устройства страны.

Те, кто склонен онтологизировать этносы, настаивают на необходимости и впредь сохранять в составе федеративного государства два десятка субъектов, имеющих особый государственный статус и сопряженные с этим статусом особые привилегии и полномочия.

Напротив, те, кто видит в этничности лишь акт отождествления индивида с той или иной культурной традицией, настаивают на конфликтогенности принципа асимметричной федерации и заявляют о неправомерности конституирования особых статусов и прав «национальных» республик в составе России.

Первые уверены в том, что «национальная специфика» населения республик служит достаточным основанием требовать перераспределения совокупного бюджета федеративного государства (в форме особых бюджетных отношений с федеральным Центром, эксклюзивных налоговых прав, трансфертной политики, дотаций и проч.) в пользу этногосударственных субъектов Российской Федерации. Вторые, напротив, считают подобное перераспределение федеральных доходов проявлением этнической и региональной дискриминации в отношении представителей «нетитульных» этнических групп и административно-территориальных субъектов федеративного государства.

Полемика по поводу договорной схемы распределения полномочий между федеральным Центром и субъектами также приобрела характер концептуальных оппозиций.

Те, кто заинтересован в консервации этнически детерминированной асимметрии федеративных отношений, интерпретируют договорной процесс как закономерный и ординарный механизм оптимизации взаимоотношений Центра и регионов в демократическом федеративном государстве. Для тех, кто не склонен политизировать этничность, очевидно, что сам феномен двустороннего эксклюзивного вертикального договора есть прямое следствие этнической мобилизации, предпринятой постсоветскими этнополитическими элитами с целью обеспечения эксклюзивного правового статуса и особых налоговых льгот и привилегий так называемых «национальных» республик, во-первых, и эксклюзивного положения представителей так называемых «титульных» этнических общностей, во-вторых.

Первые настаивают на учредительном характере двусторонних договоров о распределении полномочий и считают, что Российская Федерация в ее нынешней ипостаси сформировалась усилиями территорий, преимущественно этногосударственных образований, «снизу». В этом случае отечественная модель федеративной государственности интерпретируется как «договорная». Вторые полагают, что к моменту подписания двусторонних соглашений Российская Федерация уже существовала, как суверенное государство, и вертикальные договоры заключались между федеральным Центром и отдельными субъектами, а потому не могут изменить конституционную природу российского федерализма.

Апологеты этнического федерализма убеждают в том, что договорной процесс есть единственный способ сохранить целостность «многонациональной» России, критики же, напротив, утверждают, что договорная федерация представляет собой транзитивное состояние на пути к рыхлой конфедерации и последующему распаду Российской Федерации.

Наконец, дихотомия концептуальных интерпретаций отчетливо прослеживается в трактовке феномена «суверенитет» применительно к реалиям этнофедеративного государства.

Мобилизация ортодоксальной сталинской концепции нации дает основание для примордиалистской трактовки этнической государственности в качестве особой интегрирующей формы политического самоопределения совокупного этнического коллектива. Этнос как носитель коллективной правосубъектности выступает при таком подходе в качестве субъекта самоопределения и зачастую интерпретируется в качестве субъекта государственного суверенитета.

В доктринальном поле конструктивистского подхода субъектами суверенитета федеративного государства являются не народы-этноты, и не квазигосударственные образования (заявившие о своем суверенитете от имени «титальных» этнических групп), а его граждане. Для этого подхода имманентна точка зрения, согласно которой суверенитетом в федеративном государстве обладает только само это государство, а субъекты федеративных отношений обладают той или иной степенью автономии, определенной разграничением полномочий между федеральным и региональным (субъектным) уровнями государственной власти.

В целом же в этнофедералистике противостоят друг другу два антагонистичных по сути концепта: первый состоит в обосновании правомерности этнизации государственности и политики, второй выражается в требовании деэтнолизации этничности и деэтнолизации политики.

Обсуждение доклада

Чернышов Ю.Г.: В начале своего выступления Вы сказали, что это была роковая ошибка – разделять субъекты Федерации по этническому принципу. Этот же тезис, как известно, высказывают Владимир Вольфович Жириновский и ещё ряд наших политиков. Но многие из сидящих в зале – историки, и у них автоматически возникает вопрос, насколько свободны в выборе были большевики в то время, и не было ли это их уступкой тем сильным национальным движениям, которые, собственно, и свалили Российскую империю? С другой стороны, есть ведь версия, что это была умная попытка «обмануть» национализм и растворить его в интернационализме под фиктивным флагом создания национальных республик. Может быть, не так всё просто, не только ошибка здесь содержится?

Филиппов В.Р.: Мне кажется, Вы сами ответили на свой вопрос. Действительно, это порождение политической конъюнктуры после октябрьского переворота. Совершенно очевидно положение ленинского правительства в 1918, 1919, 1920 гг.: всё висело на волоске и, безус-

ловно, после того, как башкирская делегация прибыла и заявила: «мы хотим республику, иначе мы пойдем под знамёна Колчака», ну что оставалось делать, – пообещать республику, естественно, создать такую. То, что Ленину явно была противна идея федерализма в принципе, это совершенно очевидно, ведь Ленин до революции и Ленин после революции – это два совершенно разных Ленина. Ведь Ленин писал ещё, если не ошибаюсь, в 1914 г., что федеративное устройство для России не приемлемо, а потом вдруг возлюбил федерализм и стал кромсать Россию по этническому принципу. Ясно, что это порождение политической конъюнктуры и ясно, что ставка делалась на сильную вертикаль партийной власти, которая была бы стержнем организации всей архитектуры страны. Но как только этот стержень убрали, результаты не замедлили о себе знать.

А что касается Владимира Вольфовича, то да, тут надо признать, что он прав, и я с ним солидарен. Вообще, надо сказать, что я не люблю его как политический персонаж, но несколько раз брал у него такие фундаментальные, большие интервью по поводу этнополитики, по поводу федеративного строительства, и вы знаете, я готов подписаться практически под каждым его словом. Более того, когда он сидит у себя в кабинете перед интервью, он весь такой натуженный, потом уводит к себе в маленький будуарчик в соседнюю комнату, там мягкий свет откуда-то снизу, столик из карельской берёзы, плюшевые диванчики. Он плюхается на этот диван, обмякает, с него сразу сползает эта маска, и он говорит об этих проблемах абсолютно профессионально, с отличным пониманием сути дела. Говорит хорошо и подробно. К сожалению, его политический имидж дискредитирует идею губернизации, объективно приносит вред, но с другой стороны, он эту идею популяризирует, пропагандирует. И вот за год до путинских реформ, во время очередного интервью, он подарил мне свою брошюрку. Открываю – там карта будущего государственного устройства России, те губернии, которые он намерен выкроить. Вы знаете, я потом на конференции в Татарстане сказал: «Господа, воспринимайте Жириновского всерьез, видите очертания федеральных округов, вот они, за год до президентского указа». Практически совпадали. Так что фигура Жириновского противоречива. Кстати, он ведь не говорит о федеративном устройстве, когда он говорит об губернизации, он не имеет в виду федеративное устройство. Губернии – это всего лишь административные единицы в рамках унитарного государства с назначаемыми губернаторами.

Пивень Б.Н.: Я хотел бы услышать Ваш комментарий о перспективах этнократизма.

Филиппов В.Р.: Вы знаете, мне кажется, что когда этнократов припугнули и дали понять, что могут возбудить уголовные дела, это

хорошо. Их действительно сейчас оставили, временно. Все эти этнические кланы в республиках, они по-прежнему влиятельны, политически мощны, и взяты и вырвать их с корнем из республик, на мой взгляд, было бы ошибкой. Знаете почему? Потому что выхолостить реальное содержание суверенитета, сделать его бессмысленным, не привлекательным для этнических элит – это путь наименее конфликтный. Ведь почему этнократы так держатся за власть? Это деньги, ведь совершенно очевидно, что, например, в Башкирии сын президента Урал подмял под себя практически всю местную нефть, нефтепереработку, энергетику, банк «Уралсиб», и даже если мы сейчас вдруг возьмём и выдернем Рахимова, то реальная экономическая власть окажется в руках клана, и явно возникнут напряжённости. Они имеют колоссальные деньги. Этот самый сын президента Урал: вы, наверное, помните тот скандал, когда его задержали на границе, когда он собирался провезти 1,5 млн. долл., чтобы расплатиться за проигрыш в Монте-Карло. В этой ситуации бросить несколько миллионов долларов на организацию межэтнического конфликта в республике – это же копейки. Это делается совершенно элементарно. Например, организовать драку на призывном пункте и т.д.

Одно из следствий путинских региональных новаций – это то, что в республики пошёл крупный капитал из центра. Кроме того, возбуждены уголовные дела по результатам проверок Счётной палаты. Сейчас в ту же Башкирию вынуждены возвращать деньги из оффшора, деньги изымаются из рук этнических кланов. Почему Веремеенко не победил на выборах в Башкирии? Эксперты по Башкирии говорили о его стопроцентном гарантированном успехе на выборах. И вдруг буквально за месяц до президентских выборов меняется риторика Кремля. Показывают, как президент Путин принимает Муртазу, как они мило разговаривают и обсуждают успехи президента Рахимова в социальной сфере. Всё. Кремль вдруг взял и поддержал Рахимова. Если бы не этот демарш Кремля, Веремеенко победил бы на выборах уже сейчас, но это было бы сопряжено, скорее всего, с возникновением межэтнической напряжённости в республике. Так что, я думаю, что и в этом Путин прав, по большому счёту.

Шупик Г.Ф.: Несколько комментариев. Вспомните, как наша страна называлась – СССР, вопреки желанию товарища Ленина. Ведь он предлагал другое название – Союз Советских Республик Европы и Азии. А почему Америку и Африку не взяли? Опять же возвращаясь к нашему советскому времени – Польская Народная Республика. Титульная нация была названа. Республика Болгария, хотя там турок более чем достаточно. А в СССР – ни русских, ни украинцев, ни армян, никого не было. Было некое образование, которое готовилось стать

мировой республикой, к которой можно было всех присоединять. Это в качестве комментария. Теперь вопросы. Может быть, несколько провокационного характера. Первый вопрос. Если тот герой, о котором Вы так пламенно говорили, будет на следующих президентских выборах, Вы за него проголосуете или нет?

Филиппов В.Р.: Вы о Владимире Владимировиче?

Шупик Г.Ф.: Конечно.

Филиппов В.Р.: Вы знаете, подождём, посмотрим, поживём – увидим.

Шупик Г.Ф.: Как Вы считаете, мы будем идти всё-таки к губернаторской системе?

Филиппов В.Р.: Спасибо за вопрос. У меня такое ощущение, что дрейф к губернаторской системе уже явен, он замечен, он уже вполне очевиден, и в том числе для этнократов. Вы знаете, полтора года тому назад я присутствовал на такой «тайной вечере» у Лужкова и губернаторов Золотого кольца. Лужков собрал у себя в мэрии такую «тусовку». Я тогда впервые понял, что губернаторы озлоблены, губернаторы не приемлют этой конфигурации федеративных отношений, что существует так называемый «заговор» губернаторов против республик. То есть, давление на Кремль шло уже всю вторую половину 90-х гг. и, об этом мало кто знает, но фактически такая губернская реформа готовилась по инициативе наших младореформаторов (Немцов, Чубайс) Козаком уже в середине 90-х гг. Как это ни странно, положил конец всем этим начинаниям Черномырдин. Он разогнал, так скажем, «творческий» коллектив и заявил, что ничего подобного делать не будет. В то время Владимир Владимирович принимал участие в разгоне этой группы и всячески противодействовал этим тенденциям. Теперь Козак, сами понимаете, кто, и теперь ему дан зелёный свет. Теперь он разрабатывает концептуальные основы реформы «Об общих принципах организации органов государственной власти субъектов РФ». Кстати, вы обратили внимание, сейчас только ленивый из политического истеблишмента России не высказался в пользу укрупнения. Я не буду злоупотреблять вашим временем и вниманием, но практически все думские лидеры, наиболее влиятельные лидеры Совета Федерации, вице-спикеры, уже все высказались в пользу того, что 89 субъектов Федерации – это слишком, это совершенно невозможно, совершенно неуправляемо. Только Владимир Владимирович сказал такую фразу, что у нас нет никакой возможности, а главное, нет желания укрупнять регионы.

Шупик Г.Ф.: Как Вы относитесь к объединению краёв и областей, например, Республики Алтай и Алтайского края?

Филиппов В.Р.: Проводится референдум на территории двух субъектов, хотите сливаться, сливайтесь, пожалуйте. Создан прецедент. По-

смотрите, Хлопонин, когда был маленьким губернатором, говорил, что Эвенкия и Таймырский округ ни в коем случае не сольются с краем. Теперь он краевой губернатор и теперь уже возникло тройственное согласие – Союз трёх губернаторов – фактически, это союз трёх топ-менеджеров Росникеля. Они договорятся, вот увидите, они объединятся очень скоро. Здесь не будет никаких этнически окрашенных мотивов, здесь будет голый интерес этих крупных финансистов. То же самое будет рано или поздно с ханты-мансийским газом. А посмотрите, Петербург с областью. Вот в ближайшее время будет совершенно явное объединение регионов. Москва с Московской областью. Здесь, правда, сложнее, потому что Лужков прекрасно понимает, если сейчас он объединяется с областью, то ему придётся область поднимать до социальных стандартов Москвы, а это потребует колоссальных денег. Явно пойдёт понижение жизни в самой Москве, перекачка денег. А это может ударить на выборах. Электорат будет не доволен. Это единственное препятствие. А Московская область уже готова пасть в объятия мэра. Естественно, все хотят стать москвичами. Так что процесс пойдёт, он уже идёт. А в Башкирии и Татарии уже сами башкирские и татарские националисты говорят, что мы хотим штат, где не будет ни Башкирии, ни Татарии, ни Чувашии, будет штат. Они думают по наивности, что, создав такой штат, они объединяют силы татарских и башкирских националистов. Ничего подобного. Они перестают быть демографическим большинством, и электоральные последствия этой акции будут для них самые печальные.

Боронин О.В.: Сначала о политике. Я для себя не совсем уяснил, при чём здесь теория этноса и проблема укрупнения регионов. Мы здесь сидим в Алтайском крае и наивно полагаем, что если будут укрупнять, укрупнят, воссоединив обязательно республику и край в границах 1988 г., а вариант, что будет объединение с Новосибирской областью, с Кемеровской, мы почему-то не рассматриваем. Это так, комментарий о политике.

Теперь хочу всё-таки вернуть нашу дискуссию из политического русла в научное. Прозвучал тезис, что советская теория спровоцировала конфликты конца 80-х – первой половины 90-х гг. Я с этим согласен полностью. Но межэтнические конфликты существовали и в имперскую эпоху, длились столетиями независимо от развития этнических теорий, политических процессов и т.д. В частности, на юге Горного Алтая уже столетие протекает латентный конфликт между алтайцами и казахами, которые абсолютно не знакомы с теориями этнологических наук, но, тем не менее, конфликтуют уже долгое время, и причины там абсолютно не политические.

Вы сказали, что ленинская национальная политика была конъюнктурной, то есть, она не зависела напрямую от этнологической теории. Пожалуйста, разрешите для меня это противоречие. Где же правда? Советская этнография повинна в конфликте или всё-таки конъюнктурная политика наших правителей? Спасибо.

Филиппов В.Р. Первый вопрос – вопрос о теоретическом обосновании политического решения об укрупнении регионов. Республиканские этнополитические элиты аргументируют свои претензии на суверенитет, апеллируя к праву онтологизированных «этносов» на самоопределение. Соответственно, концепция укрупнения регионов интерпретируется ими как ущемление прав «титულных этносов» на «собственную» территорию и «свою» государственность. В основе этнического принципа выделения субъектов федеративного государства лежит ленинско-сталинская «теория наций», трактующая нации как устойчивые социальные образования с целым рядом имманентных признаков. Отечественная «теория этноса» – это, в конечном счете, попытка сформулировать в терминах этнологической науки политические установки большевиков «по национальному вопросу». И в этом смысле, – «теория этноса» представляет собой концептуальное основание политической доктрины этнического федерализма.

Позитивистские представления о природе этничности исключают саму постановку вопроса о политическом самоопределении этнокультурных коллективов на какой бы то ни было территории. Самоопределяется не мифологизированный «этнос», а индивид, реализующий свое право на этнокультурную идентификацию. Такой подход исключает политизацию этничности, дискредитирует претензии этнических элит на сохранение «национальных» квази-государств в составе РФ, концептуализирует в терминах науки управленческие решения об укрупнении регионов.

Теперь вопрос о том, почему советская «теория этноса» спровоцировала конфликты конца 80-х – первой половины 90-х гг. Отчасти я уже на него ответил. Политизация этничности, реализация ленинского принципа «права наций на самоопределение вплоть до отделения», деление граждан страны на «старших» и «младших» братьев, «титулных» и «нетитулных», «коренных» и «некоренных», связанная с этим делением этническая дискриминация и жесткая этносоциальная конкуренция этнических контрагентов – все это и породило кровавые конфликты конца столетия. Наконец, не нужно быть очень наблюдательным, чтобы заметить, что СССР распался, все-таки, на этнотерриториальные составляющие.

Что касается конъюнктурности национальной политики В.И. Ленина и, в частности, его взглядов на организацию этнофедеративного

государства, то мне кажется, она вполне очевидна. Вы наверняка знаете, что до октябрьского переворота вождь мирового пролетариата считал федеративную государственность неприемлемой для России.

А советская этнография была столь же конъюнктурна, сколь и наши правители. Как, впрочем, и все социальные науки в условиях тоталитаризма.

Ерёмин И.А.: Василий Рудольфович, у меня к Вам два вопроса. Первый вопрос связан с конституционным утверждением советского периода о том, что у нас сложилась новая историческая общность – советский народ. Каков Ваш комментарий в связи с выступлением президента Путина в Чувашии, когда он заявил примерно о том же, что у нас сложился российский народ, как новая историческая общность. Это первый вопрос в плане комментария.

И второй вопрос. В прошлом году у нас была конференция, посвящённая проблеме интеграции в рамках СНГ. Я горячий сторонник союза с Беларуссией. Какова Ваша оценка предложений президента Путина о вступлении Белоруссии в состав России на правах субъекта Федерации?

Филиппов В.Р.: Да, я считаю, что «новая историческая общность – советский народ» – это историческая реальность. Это, фактически, и было осознанное политическое единство граждан СССР, согражданство. Это был результат формирования надэтнической (или трансэтнической) гражданской идентичности, особенно явно проявившей себя в годы Отечественной войны. Наряду с осознанным единством политических и экономических интересов, специфической идеологией, эта общность отличалась и целым рядом общих культурных черт. Рудименты этой распадающейся общности мы можем наблюдать и по сию пору.

Я считаю, что президент России абсолютно прав: объединение возможно только в том случае, если Белоруссия войдет в состав РФ на правах ее субъекта. В противном случае будет сконструирован еще один «этаж» в уродливой многоуровневой и разностатусной конфигурации российского федерализма. Кроме того, любое другое решение проблемы дестабилизирует основы российской государственности. Татарстан, в частности, уже заявил, что согласен на объединение только в том случае, если и ему будет предоставлен статус, эквивалентный эксклюзивному статусу Белоруссии.

Хилькова Н.В.: У меня короткий вопрос. Василий Рудольфович, а не считаете ли Вы, что существование округов, через которые потекут финансовые потоки, будет следующей ступенькой, может, последней, к развалу России: свои деньги, своя армия, свои территории?

Филиппов В.Р.: Да, такая опасность существует. Действительно, угроза распада страны на самодостаточные в политическом, экономическом и демографическом плане регионы куда более реальна, чем выход из состава страны нынешних, в большинстве своем дотационных и целиком зависящих от федерального Центра «национальных» квази-государств. Однако, на мой взгляд, эта опасность компенсируется снижением рисков, связанных с этническим сепаратизмом в случае, если федеральный Центр вновь поразит политический и социально-экономический кризис.

Е.О. Хабенская

Границы «родного пространства» в татарской идентичности

Нет сомнения, что этничность и территория (земля, почва) связаны друг с другом неразрывными узами. В современных условиях, когда в результате массовых миграций нарастает процесс этнической миксации, когда население большинства государств становится полиэтничным, а территориальные границы приобретают условный и призрачный характер, говорить о «компактном проживании» на «своей» территории этнической общности практически невозможно. Но, несмотря на глобальную «трансформацию» мирового «этнокультурного пространства», значение «родной земли» как этнической ценности не утрачено.

В новейшее время «земля», с одной стороны, становится объектом экономической борьбы за ресурсы, с другой – обретает характер своего рода экзистенциальной «этнической ценности», «... земля строит и заполняет наши мысли. Мы испытываем сильные эмоции по поводу ландшафтов, которые мы называем своим «домом» (С. Кокберн) [1].

Мифологизация «родины» в качестве «этнической территории» в меньшей степени свойственна нормальной, «спокойной» этнической идентичности, но является неотъемлемым компонентом ущемленного этнического самосознания.

К таким выводам мы пришли на основе исследования структуры и особенностей этнической идентичности татарской интеллигенции в разных этносоциальных средах. Исследование было проведено автором в 1999–2001 гг. в Саратове, Москве и Казани методом неформализованного интервью среди татарской интеллигенции (участники татарского этнокультурного движения).

Для подавляющего большинства респондентов в Саратове понятие «родина» связано с местом рождения, ранними детскими впечатлениями и воспоминаниями и практически лишено этнической окраски. («Родина – это прежде всего место, где ты родился, все те тонкие, неосознанные нити, которые привязывают человека к месту рождения – родственные узы, красота природы и т.д.») Определения «родины»

очень похожи и различались только отдельными нюансами. В восприятии одних преобладает привязанность к конкретному месту или местности. («Родина у меня там, где прошло мое детство».) Для других «родина» – это родственные узы, корни («Родина – это моя земля, это мои корни, это могилы моих стариков»). Для большинства же это понятие включает и то, и другое – и привязанность к определенной географической точке – родному дому, селу, стране, и родственные узы, дружеские связи, то есть всевозможные нити взаимоотношений и воспоминаний («Ну, родина, наверное, включает в себя диапазон таких понятий, как «дом, где ты родился», «дом, где ты живешь», твоих друзей, коллег по работе, то есть все те нити, которые его связывают и держат здесь, в этой стране»).

Всего несколько определений родины, даны нашими собеседниками из числа саратовской татарской интеллигенции, были связаны с «этнической территорией». Чаще всего «этническое» проявлялось при двойственном восприятии «родины». В одних случаях эта бинарность выражалась в осознании «родины» и как места рождения, и как земли предков, в других – «малая» и «большая» родины рассматривались шире – в общегражданском значении («Мы понимаем под родиной Россию, которая нам помогла выжить. Но существует и «малая» родина – Татария. Они друг без друга немыслимы. Российский народ един, и татары составляют часть этого народа»).

Фактически, в ответах только двоих наших собеседников (из тридцати опрошенных в этом регионе) при толковании понятия «родина» был очевиден этнический контекст («Родина – это что? Это земля моих предков. Сейчас такого понятия, по-моему, для татар нет. Вот когда-то была Золотая Орда – это была родина для татар»).

Восприятие родины не константно и может меняться с течением времени, с возрастом или просто в зависимости от ситуации («Я родилась в Пензенской области, это тропинка детства, меня каждый год туда тянет... Но сейчас уже родина в Саратове, я здесь живу с четырнадцати лет»). В сознании одновременно могут сосуществовать несколько различных образов «родины», не исключая, а напротив, дополняя друг друга.

В отличие от саратовских респондентов, в сознании большинства из которых отчетливо преобладает локальный образ «родины», среди представителей татарской интеллигенции Москвы было немало сторонников «гражданского» толкования этого понятия, считающих родиной всю Россию («Я в каком-то смысле государственник. У меня нет такого понятия – малая родина, большая родина. Для меня вся страна – родина. Хотя, конечно, какое-то тепло к Татарстану я чувствую»). По всей видимости, опыт проживания в полиэтничном мегаполисе располагает к раз-

виту «территориального космополитизма». В числе московских респондентов было немного «коренных» москвичей, большинство переселилось сюда в разные годы своей жизни из различных регионов России и бывшего СССР. Это способствовало формированию «двухслойной» идентичности (гражданской и этнической) и двойственного восприятия «родины», как места рождения (малая родина), и как государства, гражданами которого они себя ощущают («Когда я слышу «родина», то сначала представляю наш деревянный дом с мезонином в Пензе, бабушку с дедушкой, родную школу, круг школьных товарищей, кстати, русских. Потом уже перехожу на Москву, на Питер, где я учился. В широком смысле, вся Россия – моя родина»).

Значительная часть наших собеседников в Москве воспринимали «родину» прежде всего в узком значении этого слова – как место рождения, вне государственного контекста. У немногочисленной группы «коренных» москвичей сильнее гражданской и этнической выражена «московская идентичность» («Для меня родина – это «Сретенка». Здесь вся жизнь прошла. Хотя у меня корни в Казани, но туда меня совсем не тянет: потому что по духу я москвич. Мне чужды казанская атмосфера, ритм жизни»).

Учитывая фактор формирования «татарстанского» суверенитета на фоне повального разочарования в федеральной власти, а также высокий процент численного представительства татар в Республике, мы ожидали, что, в отличие от Саратова и Москвы, у значительной части казанских респондентов восприятие «родины» будет этнически окрашено. Однако лишь небольшое число опрошенных татарских интеллектуалов в Казани ассоциируют понятие «родина» со своей «национальной» республикой («Понятие Родина применительно к России для меня сейчас уже очень сомнительно. Раньше я считал СССР своей родиной: но сейчас, я думаю, мы этой стране не нужны. Здесь, в Татарстане, я нужен, я считаю, что здесь моя Родина»). Немногие из казанских респондентов связывают «родину» с землей предков, с «этнической территорией» своего народа.

Большинство татарских интеллектуалов Казани (как и Саратова), воспринимают «родину» прежде всего в узколокальном смысле этого слова (не гражданском и не этническом!), связывая ее с местом рождения, проживания, взросления, а также с воспоминаниями, близкими людьми, родным домом, могилами предков («Родина – то место, где ты живешь, родился и вырос, где находятся могилы твоих предков»). Но небольшая часть опрошенных идентифицирует себя также со «своей» республикой как с отделенным регионом.

Рассуждения наших респондентов по поводу понятия «родина» свидетельствуют, что «территориальный», «пространственный» ком-

понент этнической самоидентификации в значительной степени сглажен, нивелирован. Процесс определения «родной земли» ситуативен, в сознании многих респондентов одновременно как бы сосуществуют несколько различных образов «родины», каждый из которых может быть в большей или меньшей степени актуализирован или подавлен, в зависимости от ситуации, обстановки, собеседника.

Преобладание локально-региональной идентификации над этно-территориальной предопределяет отличия в восприятии Татарстана респондентами, опрошенными в Казани и за ее пределами – в Москве и Саратове. У первых «свой» регион зачастую ассоциирован с «родной», у вторых подобные ассоциации встречаются крайне редко. Среди значительной части татарских интеллектуалов Москвы просматривается тенденция более широкого толкования «родины» – в общегражданском, патриотическом контексте. Последствия регионализации и слабости федерального Центра в 1990-х гг. сказались на настроениях наших собеседников в столице Татарстана и выразились в позитивной самоидентификации со «своим», «сильным и независимым» регионом, который нередко противопоставлялся «слабому и коррумпированному» Центру.

Можно утверждать, что этноцентристские настроения 1990-х гг., особенно заметные в «национальных» республиках РФ и ярко проявившиеся в Татарстане, не только не привели к массовой политизации этнической идентичности татар, но и в значительной степени «отпустили» наиболее активного проводника этнической идеи – татарскую интеллигенцию. В изменившихся общественно-политических условиях даже наиболее активные апологеты идеи «земли татар», «Большого Татарстана» делают ставки уже на иные этнополитические и этнокультурные ценности.

Примечания

1. Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах. М., 2002. С. 50.

Обсуждение доклада

Овчаров Г.А.: У меня вопрос, который созрел в ходе обсуждения доклада Василия Рудольфовича, но обсуждение несколько затянулось, и я не успел его задать. Но Вам, я думаю, уместно его задать. Мы говорили о правовом положении субъектов Российской Федерации, в частности, о том, что дефиниция «Россия – государство федеративное» не совсем соответствует классическим признакам федерализма. Но давайте представим ситуацию, что всё-таки будет введено какое-то унифицированное положение всех субъектов РФ, либо мы вовсе откажемся от принципа федерализма и вместо республики Татарстан получим Казанскую область или Казанскую губернию, как угодно. Из Вашего доклада

я почувствовал, что Вы очень серьёзно занимаетесь этой проблематикой, связанной с татарской нацией. На Ваш взгляд, в случае отказа от деления России по национальному признаку, имеются в виду субъекты Федерации, можно ли прогнозировать изменение межэтнических отношений в нынешней республике Татарстан? Вот, скажем, мы получили Казанскую губернию. Отношения между титульной и нетитульной нациями после этого претерпят какие-то изменения, или всё останется как прежде?

Хабенская Е.О.: Это будет зависеть от того, каким образом будет организована трансформация федеративного государства. Если это будет реализовано как одномоментная политическая акция, имеющая демонстративный характер, то да, кризис идентичности известной части татарского населения этой республики более чем вероятен. Соответственно, вероятна и межэтническая конфронтация. Тем более, что эта конфронтация будет усиленно «подогреваться» этнополитической элитой Республики.

Если же трансформация будет латентной, протяженной во времени, то всплеска межэтнической напряженности не будет. Важно сделать все таким образом, чтобы к моменту декларативного переустройства этническая государственность перестала быть привлекательной для представителей политической элиты. Нужно, говоря словами Василия Рудольфовича, «выхолостить» из содержательного наполнения республиканских суверенитетов экономическую и политическую составляющие, лишить республики всех льгот и привилегий, уравнивать в правах все субъекты РФ еще до изменения их официального статуса. И одновременно обеспечить максимально полное удовлетворение этнокультурных запросов «титульного» населения в рамках реорганизованного соответствующим образом экстерриториального института национально-культурной автономии. Ну и, наконец, дать какой-нибудь сладкий пряник «верхушке» этнократов, например, обеспечив их участие во властных структурах федерального уровня.

Думаю, что все будет происходить по такому сценарию.

Хилькова Н.В.: А кто такие татары? Вы изучали этот вопрос достаточно долго, существует ли этот этнос, или это всё-таки выдумка? Вы говорили о языке. Ведь, например, казанские татары не понимают татар, живущих в Сибири или в Нижнем Поволжье. Культурные составляющие у них совершенно разные. Причём образован этот этнос не так давно и на базе тех народностей, на базе которых образован русский народ.

Хабенская Е.О.: Для начала скажу, что я вообще плохо понимаю, что такое этнос. Можно говорить лишь об этнической идентичности. Если, например, часть крышен настаивают на том, что они отдельный

народ, значит, у нас нет никаких оснований считать, что это не так. Если другая часть крыштен заявила, что идентифицирует себя с татарским этносом – значит, это так и есть. Татарский этнос, как и любой другой этнос, – это социальный конструкт. Нет никаких объективных критериев отнесения людей к тому или иному этносу, кроме одного единственного – их собственной этнокультурной идентичности.

Гончаренко А.И.: Вы в своём выступлении сказали о влиянии миграционных процессов на территориальное распространение и идентификацию татар. Это основано на ваших априорных или логических построениях, или есть объективные данные? Это первое. И второе. Это характерно только для татар, или есть какие-то ещё исследования, которые подтверждают, что данные процессы характерны для башкир и т.д.? Спасибо.

Хабенская Е.О.: То, что миграционные процессы оказывают влияние на территориальное распространение татар, мне кажется, специально доказывать не надо. Если, скажем, крымских татар депортировали, значит, в Крыму их убыло, а в Казахстане прибыло. Что касается самоидентификации, то здесь зависимость не столь явная, хотя она тоже присутствует. Расселение татар дисперсно среди инокультурного и иноязычного населения может повлечь за собой культурную ассимиляцию и смену этнической и языковой идентичности. Так происходит, например, с татарами Москвы.

Шупик Г.Ф.: Я насчёт зарплаты и языка. У меня есть очень хороший товарищ, он советник нынешнего президента Татарстана, он татарский язык, с его слов, практически не знает. Ругается он на русском языке. Это точно я могу сказать. Мне просто любопытно, как выплачивали зарплату за знание татарского языка, это что, каждую неделю или каждый месяц необходимо было приходиться где-то освидетельствовать, или какой-то другой вариант был? Извините за такой, может быть, несерьёзный вопрос.

Хабенская Е.О.: На практике этот вопрос решается априорно в отделе кадров соответствующих учреждений. Если в учетном листке работник числится как татарин, значит, считается, что он знает татарский язык. Если же в «пятой графе» стоит запись, скажем, русский или бурят, то надо пройти специальную аттестационную комиссию. Фактически языковые надбавки – это поощрительные надбавки за этнополитическую лояльность.

Василенко А.Е.: У каждого человека есть своя родина. Действительно, живя в Барнауле, я считаю своей родиной то село, где я родилась. Уехав в другой регион, я буду считать родиной Алтай, а, уехав за границу, я назову своей родиной Россию. И, думаю, встретившись за

границей с другим человеком из России, не важно, кто он, армянин или кто-то другой, я буду знать, что он из России. Вопрос такой. Зачем вообще это разделение? Ведь раньше все считали себя советской нацией. Почему бы нам всем не быть россиянами?

Хабенская Е.О.: Вы задаете риторический вопрос. Действительно, почему бы и нет? В стране, которой мы сможем гордиться, я думаю, общая гражданская идентичность сильно потеснит этничность в структуре личностных идентификаций людей.

Ерёмин И.А.: Как Вы считаете, почему казанская этнократия с упорством, достойным лучшего применения, идёт, можно сказать, до конца, я имею в виду идею перевода татарского алфавита с кириллицы на латиницу? Как бы Вы это объяснили?

Хабенская Е.О.: Здесь большую роль играет отстаивание своих суверенных прав. Элита не хочет продемонстрировать неспособность противостоять Кремлю. Сейчас М. Шаймиева татарские националисты итак упрекают в предательстве «национальных интересов татарского народа». Надо сказать, что во властной элите Республики нет единого мнения по поводу этой реформы. У нее достаточно много оппонентов и среди управленцев, и среди интеллигенции. Думаю, что реформа эта нереализуема прежде всего по чисто материальным причинам – эта «прихоть» интеллигенции слишком дорого обойдется властям республики.

Филиппов В.Р.: В том случае, если татарская интеллигенция настаивает на реализации этого политического проекта, это будет самоубийство татарской профессиональной (отличной от фольклорной) культуры. Нельзя забывать о том, что практически вся письменная культурная традиция татар зиждется на кириллице. Перевод «с татарского на татарский» всех значительных литературных и иных письменных памятников занял бы много десятилетий даже в том случае, если бы все носители татарской идентичности занялись этим неблагоприятным делом, а федеральный Центр согласился бы профинансировать эти детские шалости в угоду суверенизаторским амбициям этнической элиты.

Боронин О.В.: Вы занимаетесь исследованиями, проводите социологические опросы. В связи с этим вопрос. С одной стороны, Вы говорите, что этноса как такого не существует, с другой стороны, проводя такие опросы, не провоцируете ли вы татарский национализм на возрастание, и не ведёт ли проведение таких исследований с опросными листами, с интервью к росту межэтнической напряжённости?

Хабенская Е.О.: Любое этнологическое исследование актуализирует у респондентов их этническую идентичность, побуждает к саморефлексии. Но это вовсе не значит, что такие исследования провоцируют нарастание ксенофобии. У большинства моих респондентов эт-

ническая и языковая идентичность была лишена какой бы то ни было агрессии и была сконцентрирована в сфере культурного самоопределения и самовыражения. В основе агрессивного национализма всегда лежит интерес, борьба за доступ к ресурсам, в том числе – к ресурсу власти. И добросовестные этнологические исследования не провоцируют национализм, а фиксируют эту зависимость.

А.У. Хомра

Изменение режима пересечения западной границы Украины как следствие расширения Европейского Союза: проблемы и перспективы

Странам, которые недавно стали членами Европейского Союза, отводится роль своеобразного фильтра безопасности: достижение полной безопасности является одним из важнейших приоритетов этого регионального объединения. Новая концепция ЕС сосредоточена именно на «управлении» новой внешней границей и трансграничными потоками для гарантирования безопасности. Принцип ужесточения контроля на внешних границах стран ЕС реализуется путем усиления охраны границы. В частности, восточная граница Польши, как новая граница ЕС, будет охраняться пятью тысячами профессиональных военных, которые заменят призывников, обеспечивающих в настоящее время охрану границы Польши с Украиной, Беларусью и Россией. Декларируемые странам-соседям со стороны ЕС послабления режима пересечения границы остаются практически незадействованными. Вступление в ЕС предусматривает автоматически введение визового режима со странами, где такой режим уже применялся другими членами ЕС. Это не может не отразиться на характеристиках пересечения границы Украины со странами ЕС.

В 2003 г. по сравнению с 1997 г. численность выезжавших в приграничные страны граждан Украины увеличилась на 9,2%. Данный рост достигался только за счет увеличения выезда граждан Украины в приграничные страны нового зарубежья (на 19%). Численность выезжавших в страны старого зарубежья граждан Украины за годы анализируемого периода уменьшилась на 0,8%. Различия в темпах роста численности выезжавших в приграничные страны нового и старого зарубежья граждан Украины привели к снижению удельного веса выезжавших в страны старого зарубежья в общем числе выезжавших в страны нового и старого зарубежья с 49,6% в 1997 г. до 45,1% в 2003 г. Возрос также удельный вес выезжавших в приграничные страны в общем числе выезжавших за границу граждан Украины (с 91,1% в 1997 г. до 93,5% в 2003 г.).

Вступление западных соседей Украины (Польши, Словакии и Венгрии) в ЕС и связанное с ним введение визового режима, несмотря

на успокоение (в качестве примера приводится введение визового режима между Финляндией и Россией, которое будто бы имело своим следствием улучшение условий пересечения границы), не может не привести к уменьшению числа выездов в эти страны. Документальные изменения политики пересечения границы Польши и Украины произошли в июле 2003 г., когда было подписано двухстороннее правительство соглашение о режиме взаимного посещения граждан. Согласно ему, Польша будет предоставлять визы для граждан Украины бесплатно, граждане Польши – въезжать в Украину без виз. Эти польские визы будут выдаваться в соответствии с правилами ЕС, которые на сегодня являются жесткими, и в дальнейшем будут становиться еще жестче. Консульские отделы Польши в Украине начали выдавать визы с 1 сентября 2003 г.

Поскольку 60% граждан Украины, которые приезжали в Польшу, проживали на расстоянии меньше 100 км от границы (в пределах этой пограничной полосы гражданами Украины осуществлялось почти 80% сделанных ими покупок в Польше), то априори введение визового режима могло привести к уменьшению численности выездов граждан Украины в Польшу. Считается, что введение визового режима для граждан Украины с Польшей и Венгрией, при котором визы этими странами предоставляются бесплатно, фактически не сказалось на активности трансграничных связей граждан Украины. Если в начале введения визовых режимов наблюдались осложнения в работе иностранных представительств, то к настоящему времени ситуация с оформлением виз нормализовалась. Все же подменять анализ численности лиц, которые пересекли польскую границу, характеристикой работы консульских учреждений неправомерно. Перед введением визового режима с Польшей с апреля по октябрь 2003 г. имела место четко выраженная тенденция к росту численности граждан Украины, которые пересекли польскую границу; в августе и сентябре число выезжающих через польско-украинскую границу превысило 400 тыс. В октябре численность выезжающих граждан Украины через польско-украинскую границу по сравнению с сентябрем уменьшилась в 2,37 раза. В дальнейшем численность граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей, выросла, однако в декабре она была все же меньшей, чем в январе. В октябре 2002 г. число граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей, было даже незначительно большим, чем в сентябре. Удельный вес граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей в октябре, в общем числе граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей в целом за год, в 2002 г. составил 8,5%, в 2003 г. – 4,3%. Колебания численности граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей, по месяцам в 2003 г. (коэффициент ва-

риации 76%) были существенно большими, чем в 2002 г. (коэффициент вариации 29,6%). Если в составе всех выезжающих за границу граждан Украины в октябре 2003 г. удельный вес тех, которые пересекли границу с Польшей, составлял 14,8%, то в 2002 г. – 30,1%. Это при том, что доли граждан Украины, которые пересекли границу с Польшей, в общем числе выезжающих за границу граждан Украины в июле и сентябре 2003 г. были даже несколько большими, чем в 2002 г.

Введение визового режима Польшей для граждан Украины при отсутствии такого для граждан Польши не только не привело к уменьшению числа иностранцев, которые пересекли границу Польши с Украиной, но и обусловило его увеличение. В 2003 г. в октябре по сравнению с сентябрем численность иностранцев, которые пересекли границу Польши с Украиной, увеличилась на 37,8% (в 2002 г. – соответственно на один процент). Вообще, в 2003 г. по сравнению с 2002 г. численность иностранцев, которые пересекли границу Польши с Украиной, возросла. Особенно значительным этот рост был в ноябре (в 2,51 раза) и в октябре (в 2,44 раза). Удельный вес иностранцев, которые пересекли польско-украинскую границу, в общем числе иностранцев, которые въезжали в Украину, вырос с 5,5% в 2002 г. до 9,3% в 2003 г. Если в январе-марте 2003 г. по сравнению с соответствующим периодом 2002 г. доля иностранцев, которые пересекли польско-украинскую границу, в общем числе украинцев, которые въезжали в Украину, выросла в 1,63 раза, то в октябре-декабре – в 1,86 раза. Изменения численности пересечений границы между Польшей и Украиной после введения Польшей визового режима для граждан Украины привели к уменьшению диспаритета между численностью граждан Украины, которые пересекли украинско-польскую границу, и численностью иностранцев, которые пересекли польско-украинскую границу. Если в 2002 г. численность граждан Украины, которые пересекли украинско-польскую границу, была в 6,33 раза больше численности иностранцев, которые пересекли украинско-польскую границу, то в 2003 г. – только в 2,81 раза. В октябре 2003 г. диспаритет практически не наблюдался (данное превышение было равным 6%).

Объективно ЕС заинтересован в упрощении визового режима со странами-соседями. В политике пересечения границы Польша, Венгрия и другие новые члены ЕС следуют предложениям Европейской Комиссии ввести для граждан, которые проживают в пограничных с ЕС районах, упрощенный визовый режим и условия трудоустройства в странах – новых членах ЕС. В частности, предлагается ввести визы или бесплатные, или за незначительную плату сроком на 5 лет. Такие визы предусматривается выдавать тем, кто регулярно пересекает границу, у кого за границей проживают родственники, а также тем, у кого в стра-

нах-реципиентах есть легальное рабочее место. Украине необходимо добиваться от стран ЕС права на безвизовое их посещение на определенное небольшое число дней в году. Страны, которые ориентированы на экспорт рабочей силы, не могут отказаться от открытой политики относительно иностранцев. Именно это, а не только попытка получить взамен, порождает предложение установить безвизовые поездки для граждан стран, которые выступают местом приложения труда трудовых мигрантов с Украины. Хотя государственные органы Украины руководствуются принципом взаимности с другими странами в сфере визового режима, все же ЕС было предложено вести для граждан стран ЕС безвизовые поездки по служебным паспортам, оформления виз для групп туристов с ЕС в международных аэропортах, введение безвизового въезда (до 10 дней) в Украину бизнесменов, ученых, спортсменов, участников культурного обмена. Однако есть весомые основания для вывода, что введение виз Украиной для граждан стран-соседей новых членов ЕС, отмена их для граждан стран-членов ЕС (с которыми уже существует визовый режим, о чем часто ратуют, надеясь, что это будет побуждать ЕС к либерализации визового режима относительно граждан Украины, а в перспективе и к его отмене), будут оценены не так, как того ожидают, а, скорее всего, как слабость.

Изучение опыта расширения ЕС в 2004 г. является важным уже хотя бы из-за того, что после вступления Украины в эту региональную организацию ее восточная граница станет границей ЕС с Россией.